@ Живой журнал

Автор:
Юлия Ковалькова

@ Живой журнал

Юлия Ковалькова

«@ Живой журнал» – это книга #2 серии «МАРКЕТОЛОГ@». Молодому и талантливому оперативнику детективного агентства Андрею Исаеву предстоит найти женщину, скрывающуюся в социальных сетях под ником «Маркетолог». Начиная работать по заданию заказчика, Андрей очень быстро осознает, что женщина, которую он ищет, ему отлично знакома. Какие тайны откроет Андрей и к какой неожиданной развязке это приведёт, читатель узнает из этой части книги.

@ Живой журнал

Юлия Ковалькова

«Я теперь докопался до правды и открыл истинного демона».

(Франц Верфель)

© Юлия Ковалькова, 2021

ISBN 978-5-4474-5366-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 4. День четвёртый

(От Автора: нумерация глав начинается с первой части романа «Маркетолог@», которая называется «Социальные сети»).

«Я сам себе и небо, и луна,

Голая довольная луна,

Долгая дорога, да и то не моя.

За мною зажигали города,

Глупые чужие города,

Там меня любили, только это – не я».

(«Аукцыон», 1992).

@

5 апреля, 2015 года, воскресенье, утром.

Живой Журнал Андрея Исаева. Запись №1.

«Мой мобильный исполнил на входящем звонке «Выхода нет» голосом фронтмена «Сплин», Саши Васильева:

«Сколько лет пройдёт, всё о том же гудеть проводам,

всё того же ждать самолётам.

Девочка с глазами из самого синего льда

тает под огнём пулемёта…».

На последней фразе поднимаю трубку.

– Андрей, привет. Ну и где ты?

Ничего себе вопрос в воскресенье, в 04:56 утра, да? Да и задан этот вопрос хоть и нежным женским сопрано, но тем самым тоном, которым в армии принято командовать: «рота, подъём!». Я усмехаюсь, разглядывая стены.
И действительно, где я? Большая светлая квадратная комната с выходом на балкон. Белый потолок со светильниками. Однотонные обои, которые не раздражают. Светлый паркет. Кровать, на которой лежу я. Напротив – плазма и шкафа из IKEA. Застеклённая в пол балконная дверь. Простые белые жалюзи. Больше ничего нет. «Ordnung muss sein», это как немцы говорят. По—русски: спокойствие и порядок.

– Я дома, Наташ. Ты чего хотела—то? – и я привольно раскидываюсь на кровати.

Я – Андрей Исаев. Мне тридцать два (в ноябре, если доживу, будет тридцать три). Образование: диплом МГИМО (юридический). В настоящем – кандидат юридических наук. В будущем будет докторская. Личные данные: эйдетик, эмпат, билингв[1 - Человек, одинаково свободно владеющий двумя языками.]. Убежденный child free. Навсегда холост. По замужним не ходок (это дело принципа). Домой никого не привожу (тоже дело принципа). Профессиональные данные: в настоящее время исполняющий обязанности руководителя оперативно—розыскной группы в детективном агентстве «Альфа». Один из безликих служащих Интерпола. А ещё я – ищейка в социальных сетях. Филёр, сыскарь, взломщик. В общем и целом, ничего противозаконного, просто я занимаюсь тем, что каждый день перерываю вдоль и поперёк посты, в поисках нужной мне информации.

– Так чего ты хотела, Терентьева? – насмешливо переспрашиваю я.

– Чего я хотела? – девушка явно мнётся. Усмехаюсь:

– Ну, не я же.

– Ну… э—э…. мне просто показалось, что ты снова с кем—то, – неохотно признаётся она.

«Она» – это Наташа Терентьева. Коренная москвичка тридцати лет, моложе меня на два года. Вот уже десять лет как фотомодель, последние пять лет позиционируется как начинающая актриса. Красива и сексуальна так, что обернётся даже фонарный столб. У Наташи карие, почти чёрные глаза (линзы), тонкий, изящный нос (ринопластика из «Института красоты») и пухлый соблазнительный рот (свой, но как у Джоли). Ещё у Наташи собственная «трёха» на Кутузовском (купил папа—банкир). «Кабриолет», выданный папой на лето, и личный водитель на «мерседес», за который пока плачу я. При общей несхожести характеров и взглядов на жизнь мы с ней неплохо ладим. И – да, это моя девушка.

– Ясно, Терентьева. Проверяешь меня. Это всё? – Я зеваю и тру правый глаз.

– Ну—у, – кокетливо тянет Терентьева, – ещё мне бы очень хотелось узнать, что ты надумал по поводу нашей поездки в Прагу?

Раздумываю, чтобы ей сказать. Решил сказать правду:

– Наташ, поедем, но как только я освобожусь. Дня через два—три.

– А раньше ты у нас никак не можешь? – Наташа явно недовольна мной. Но я не волшебник, чтоб исполнять все её желания.

– Раньше я никак не могу, – снова зеваю я. – Я, видишь ли, душа моя, иногда работаю.

– Что-то ты больно много работаешь, как я посмотрю… Ладно, когда мы увидимся?

А вот это очень хороший вопрос. Прикидываю текущую занятость.

– Сегодня вечером или завтра. Пойдёт?

– Да, – искренне радуется Терентьева. – Андрей, а ты не мог бы…?

Но что бы я там «не мог», остаётся для меня загадкой, потому что окончание её вопроса тонет в жизнерадостном грохоте музыкального центра.

– Всё, Наташ, увидимся, – и я обрываю разговор. Кошусь на часы: пять ровно. Ну что ж, доброе утро, страна. Пожалте, Андрей Сергеич, бриться. Зубы чистить. На тренировку идти. Делами заниматься…

05:10. Провалявшись в постели ещё десять минут, наконец, отправил себя в ванную, откуда и прошлёпал на кухню, оставляя за собой мокрые следы босых ног. Открыл шкаф в поисках робусты[2 - Сорт кофе, второй по популярности после арабики, но менее ароматный и с большим количеством кофеина.]. В ожидании кофе, беру iPad и начинаю просматривать новости. Политика, экономика, санкции, война на Украине и в Сирии. Пара ласковых слов в адрес США от Лаврова (классный чувак, я его уважаю). Больше ничего интересного нет.

Отправляюсь в социальные сети. Первым делом вижу занимательную статью и как раз в мою тему. Заголовок убийственный: «„Лайки“ на Facebook – это психологический портрет человека». Редактор, молодец, догадался «лайки» в кавычки взять, а то получилась бы статья про собаку—космонавта… или про сорт кожи… или про стиль греческой музыки… или про советский снегоход. Да, вот такой я умник. Так, кофе готов. Ну и что там в статье? «Microsoft Research Centre и исследователи Кембриджского университета провели анализ, смысл которого в том, что за „лайками“ пользователей стоят их религиозные воззрения, сексуальные предпочтения, взгляды на политику и отношение к наркотикам». Вау! В качестве иллюстрации того, как это работает, приведены примеры. Читаю: «Если пользователь любит рассуждать о правах человека, поддерживает фирму Nike и смотрит фильмы с Брюсом Ли, то у него проблемы с гомосексуальностью». (Славатегосподи, мне Морган Фримэн больше нравится. Клёвый чёрный чувак с инфернальным лицом и офигительным голосом, способным убедить кого угодно в чём хочешь.) «Употребляете молочные коктейли, просматриваете посты, посвященные плаванию, и фильмы с участием комика Мартина Лоуренса? Вы – наркоман». Отлично, снова не про меня. А что это? О, надо же: «Обладателям высокого IQ нравится „Крёстный отец“ и голос Моргана Фримэна». Вот, вот оно! А я—то что всегда говорил? Правда, Дядьсаша

считает, что я интроверт, каких поискать. Ага, много он понимает…

Закрываю статью и захожу на «Rawstory». И тут про социальные сети! «Учёные с кафедры прикладной криминологии Бирмингемского университета опубликовали первое в мире исследование о том, как социальные сети приводят к преступному поведению. Авторы исследования проанализировали сорок восемь криминальных случаев, произошедших с 2008 по 2013 года, и разделили убийц на шесть типов. Двадцать шесть случаев убийства произошли на территории Великобритании с использованием Facebook. Причём в большинстве случаев убийцы ставили „лайки“ своим жертвам» … А потом новоиспеченный друг взорвался, как бомба, в ответ на какой—то не понравившийся ему пост и выплеснул свой негатив в реальность. А чтобы полиция его не нашла, убийца использовал пароль убитого и вёл за него страницу.

Хорошие исследования, но грош им цена. Не обязательно быть семи пядей во лбу, чтобы понять: в сегодняшнем мире ведётся война за души и кошельки потребителей. А в войне за пользователя вообще все средства хороши. Даже я, человек, не обладающий особыми техническими навыками, за четыре часа нашёл вчера в соцсетях одну глупую Красную Шапочку. И другие тоже её найдут, если постараются. Фраза «скажи мне, что ты любишь, и я скажу тебе, от чего ты умрёшь» могла бы стать достойным девизом для всех фанатов соцсетей, потому что здесь всех тянет высказаться. Поставить хотя бы один «лайк». Написать хоть один пост. Послать всех скопом нафиг, пользуясь анонимностью аватара и никнейма. Но в отличие от тех, кто живет в мире твиттеров и ФСБуков и свято верит, что анонимный аватар их спасёт, я знаю точно: есть всего лишь один безопасный способ выговориться – заведи свой «живой журнал» у себя в голове. В нём и храни свои тайны.

05:32. Стою на балконе своей холостяцкой «двушки», в глухом, как заброшенная усадьба помещика, районе Тёплый Стан. Пью вторую чашку робусты и слушаю предрассветную тишину и дождь. Вот две вещи, которым я предан. Иногда я изменяю им, но никогда по-настоящему не изменю. Почему? Потому что в такие минуты ко мне возвращаются воспоминания о моём отце. Я живу в этих воспоминаниях. Что случилось со мной потом? Ну, обычно человек может рассказать о себе, начиная с трёхлетнего возраста. Я – обычный человек. Вот моя история…

Детство – такое же, как и у всех, кто появился на свет в полных семьях, где жена искренне влюблена в своего мужа, а мужчина бережёт свою женщину и хочет от неё детей. Вот я, трёхлетний малыш, издаю торжествующие крики и лихо лечу на заднице с высокой ледяной горки. Горка была в Петровском парке. Парк – в районе, где родился и вырос я. Это «Ленинградка». Она расположена между станциями метро «Аэропорт» и «Динамо». Той зимой, когда мне исполнилось три, я носил толстую шубку. И, по—моему, в той шубке я был похож на забавного медвежонка. Захлебываясь от радостного детского крика, возвещающего всему миру, что я – есть, я падаю в сильные руки моего отца. Я помню его смуглое лицо, проницательный взгляд тёмных глаз и его невероятную улыбку. Мой отец был очень высоким. В ту зиму он был одет в новую колючую офицерскую шинель. Повиснув в его объятиях и сжав руками в облепленных сосульками красных варежках его щёки, я точно знал: мой отец всегда будет рядом. Я был слишком глуп и мал тогда, чтобы разглядеть правду.

Вот мне четыре. Во дворе бушует моя первая осмысленная весна, с белой пеной сирени, голубым небом и зеленью акаций. Двор нашего дома выстлан мягкими тенями от высоких и редких деревьев. До этого тихого и старого московского двора редко, когда дотягивался навязчивый визг автомобильных клаксонов. Но эти звуки большой и неведомой жизни уже вдохновляли меня. Я был готов к свершениям. Тогда я в первый раз сел на двухколёсный синий велосипед (кажется, это был «Школьник»). Прилично разогнавшись, я птицей улетел головой через руль. Странно, как это я тогда себе шею не свернул, а всего лишь разбил в кровь локоть? Зажимая ссадины левой рукой, я медленно шёл к дому, таща за собой искорёженный велосипед. На серый асфальт капала моя кровь, но я не был напуган. Это была не храбрость, а обычный шок, который бывает у детей, еще не знакомых с болью. Но мой отец углядел меня с балкона и уже через секунду был рядом. Опустившись передо мной на колено и обматывая мою руку большим белым носовым платком, он сказал, что я – самый храбрый мальчик на свете, раз не плачу, а потом улыбнулся мне. И я забыл обо всём, увидев его улыбку.

Конец восьмидесятых. Мне шесть с половиной лет. В тот год я в первый раз пошёл в школу. Мой отец нёс в руке нарядный букет из осенних цветов, завёрнутых в прозрачную плёнку. Целлофан нарядно хрустел. Отец был в гражданском, что очень шло к нему. Он вёл меня в первый класс той самой школы, где когда-то учился он сам. Почувствовав мой страх перед неведанным миром, отец протянул мне ладонь. Я помню руку моего отца: ровные, длинные, очень сильные пальцы, аккуратно закругленные на концах. От них шло тепло прямо к сердцу… Но я спрятал в кармане свой крохотный кулачок – я и тогда был

упрямым.

Вот мне исполнилось семь, и меня, новичка, первый раз обидели в школе. Меня наградил тумаком здоровенный третьеклассник по имени Миша Ботвин и по кличке «Ботас». И я, очертя голову, ринулся в первую в жизни драку. К удивлению всех, я выиграл свой первый бой. И не потому, что я умел драться. Просто Мишка хотел победить, а я – выжить в этой элитной школе.

Начало девяностых. Мне десять лет. Мама Света беременна. Мама говорит мне, что у меня будет сестра, а я предлагаю ей передумать и купить мне собаку. Отец комично хватается ладонью за лоб. Отсмеявшись, он принимает обиженную маму в объятия и наигранно строго спрашивает у меня, как бы я хотел назвать сестру, которую привезут из роддома. Но я пожимаю плечами: мне наплевать. На самом деле, я ревную отца так, как могут ревновать только дети. Я не мог смириться с мыслью, что отец будет любить кого—то больше меня. И папа это понял. Именно поэтому он сам, 11 апреля 1992 года, вложил мне в руки тяжёлый дрыгающийся «конверт» и сказал: «Познакомься с сестрой, Андрей. Как назовем?» «Дианой», – не подумав, ляпнул я (ага, в тот год я запоем читал «Мифы Древнего мира»). И я на двадцать лет смирился с существом, самым неуёмным на свете, которое десять лет дралось со мной, десять лет на меня стучало, а теперь любит меня на свой лад и со вкусом мотает мне нервы.

Вот мне тринадцать. Отец начинает ссориться с мамой всё чаще и чаще и приезжает домой всё реже. Я злюсь на мать, потому что мне кажется, что все отлучки отца – только из—за неё. И я, проклиная весь свет, влипаю во все драки, которые только можно отыскать в нашем благополучном районе. Я не управляем. Цепляю тех, кто старше меня и даже тех, кого больше. На переменах половина моих одноклассников бегает от меня, а вторая преданно меня целует в…. короче, целует, куда надо. Моей маме говорят, что у меня сложный период и что я – трудный подросток, который отбился от рук. Удобная ложь. А вся правда заключается в том, что я, как и все дети, хочу только одного – чтобы дома у меня были и мама, и папа. Апофеозом моего скандального поведения становится вызов моей матери на ковер к директору школы. Злобная игуана в очках попросила мою нежную, как скрипичная мелодия, маму перевести меня в любое другое учебное заведение. Причина в том, что я сильно отстаю по английскому языку плюс проблемы с моим поведением. В качестве примера директриса рассказывает, как я сорвал урок биологии. Взял, да и заявил «ботаничке», что я видел дракона. Та не поверила. И я на спор предъявил «училке» симпатичную ящерицу. К спине ящерки я ещё дома

умудрился прицепить крылышки, а к голове – рожки. Вид у ящерки, надо сказать, был уморительным. Рожки ей тоже, кстати, шли[3 - Андрей полностью воспроизвёл шутку Леонардо да Винчи, которой последний высмеял невежество церковнослужителей (примечание автора).]. Обиженная «училка» залепила мне «пару» в четверти. К ответу я подошел творчески: обозвал учительницу жабой парагвайской. Класс ржал в голос, и «неуд» заслужил каждый второй. И вот тогда я спёр классный журнал и утопил его в школьном унитазе. Нет, это не было хулиганством – просто я боролся с несправедливостью на свой лад. Моя бедная мама слушала обвинения в мой адрес и краснела, как закат над рекой. Держалась, правда, молодцом. В конце концов заявила, что я всё равно останусь в этой школе, а двойки по английскому языку я обязательно исправлю. На том и разошлись. Когда мы с мамой вышли из школы, я предложил ей пойти в кино. И вот тут мама Света, глядя в мои развесёлые глаза, сказала мне, что я недостоин фамилии своего отца. Я возразил: «» Училка» – круглая дура, она просто шутку не поняла». А мама Света с ходу влепила: «И кто же тогда я, если я тоже не понимаю таких шуток?».

Дома меня ждал комплексный обед из «трёх блюд»: суп, ремень и зубодробительная лекция о моём поведении. На следующий день из командировки явился мой отец и с порога объявил, что завтра к нам придёт дядя Саша Фадеев – его сослуживец и лучший друг. Папа подмигнул мне, и я понял: отец знает всё о моих проделках, но мне за это опять ничего не будет. Тогда мне казалось, что мой отец понимает меня лучше, чем мать. И что папа останется дома и больше никуда не уедет. На следующее утро меня ожидал «сюрприз», от которого я прямо—таки зверею: вместо того, чтобы остаться, отец снова смылся в командировку. Сразу после его отъезда за меня взялись Дядьсаша и мать – этот вечный, проклятый «совет двух», который решил запрячь меня на все лето к преподавателю по английскому языку. Я отбрыкивался, как мог. Разметал в пух и прах все их доводы. Грозил, что в ПТУ переведусь. Представив свою кровинушку с большим слесарным ключом в руках, мама разрыдалась. Её слёзы всё и решили. (Но вообще—то со стороны мамы это был прямо—таки иезуитский номер, потому что ни тогда, ни сейчас я органически не перевариваю женских слез в любом качестве, исполнении и количестве). Друг отца, Дядьсаша, тоже сыграл свою роль. Этот «подкаблучник» пришёл на выручке маме Свете и выдал мне записку с адресом учительницы, а на дорожку ещё и внушительный подзатыльник. «Дуй на английский, я кому сказал», – скомандовал Дядьсаша. Боясь его гнева (вру: значение имели только слёзы матери) я пообещал «совету двух» ходить на занятия.

И я ходил. Неожиданно для себя втянулся в изучение английского и ездил на «Алексеевскую» два полных летних месяца. Правда, дело было не столько в английском, к которому я неожиданно почувствовал вкус, сколько в семнадцатилетней внучке «училки». Просто я по—настоящему, жадно и в первый раз захотел женщину. Захотел так, что чуть не умер. Тогда мне казалось, что я влюблен один раз и на всю жизнь. Сейчас это кажется уморительным, но, как ни странно, влюбляться у меня больше не получается. Не то, чтобы я к этому стремился или этого избегал: у меня просто не получается. Ирония судьбы: бабник Андрей по натуре моногамен… В общем, однолюб я там или кто, но за пять месяцев до моего четырнадцатилетия из командировки вернулся отец, который устроил «совету двух» разнос по всей строгости. Отца взбесило, что Дядьсаша отправил меня именно на «Алексеевскую». «Зачем ты послали Андрея к тем людям?» – орал на Дядьсашу бледный папа Серёжа. Что именно «те люди» сделали моему отцу, я так и не понял. Но на радостях, что проклятый «совет двух» наконец—то огрёб по заслугам, я пообещал отцу исправить все свои «двойки». И я сдержал своё слово. Поскакал вверх по карьерной лестнице в школе. На спор выиграл Олимпиаду по английскому языку. Выбился в «медалисты». А потом наступил судьбоносный год – год девяносто девятый.

9 марта 1999 года. Отец и я сидим в его кабинете. Мы играем в шахматы. Мне уже шестнадцать. Я собираюсь сдавать экзамены на юрфак в МГИМО. Ломая голову над цугцвангом[4 - Цугцванг (от нем. «zugzwang») – дословно, принуждение к ходу. Обозначает положение в шахматной игре, при котором любой ход игрока ведет к ухудшению его позиции.], куда мой отец так ловко, так мастерски загнал меня, пытаюсь отвлечь его от эндшпиля[5 - Эндшпиль (от нем. «endspiel») – дословно, конец игры. Обозначает заключительную часть шахматной партии.]. Обещаю познакомить отца со своей новой девушкой. «Она тебе точно понравится», – уверяю я отца. Папа вскидывает на меня задумчивый взгляд. А я пользуюсь этим и ловко ворую с шахматной доски ферзя – белую королеву. «Я тебе сейчас уши надеру, Андрей, – усмехается отец. – Немедленно верни королеву на клетку и играй честно». Отец торопится доиграть эту партию, потому что он уезжает в командировку на целый год. Но я прячу белого ферзя, потому что я хочу выиграть. Я никому не любил проигрывать, даже своему отцу, и никогда, ни от кого не воспринимал с благодарностью свои поражения. В итоге, вместе с белой королевой, которую я спрятал в карман, я проводил отца до такси, уже его ожидавшее.

Служебная чёрная «Волга». Пустой, серый, слякотный двор. Промозгло—холодно, мокро. Хочется домой, в тепло. А отец всё стоит и на меня смотрит.

– Передумал уезжать? Так оставайся, – предлагаю я. Отец неуверенно улыбается и бросает на меня последний взгляд:

– Ну, пока, Андрей. Если что – не поминай лихом, – и отец одним стремительным движением соскальзывает в чёрную «Волгу». Задумчиво посмотрев вслед машине, увозившей отца, я вернулся домой и аккуратно поставил украденного ферзя на клетку. В ту ночь я так и не сумел заснуть. Утром, как водится, всё забылось.

Потом были последние экзамены и выпускной на Москве реке, в котором принимали участие моя тогдашняя подружка, давно выросший третьеклассник Миша Ботвин и целое море пива. В августе, по результатам сданных мной экзаменов, меня зачисли в МГИМО. Подружка потерялась «по дороге», а я до сих пор подозреваю, что руку к моему зачислению в ВУЗ приложил лично Дядьсаша. Но, как бы то ни было, в тот день, когда я заявил всему миру, что я – студент, я проснулся абсолютно счастливым. Забыл обо всех обидах. Обрёл цель. Передо мной лежала новая жизнь: нарядная, яркая, удивительная. Она ждала меня. Она обещала меня любить, а я обещал быть ей верен. Лживое обещание, данное с двух сторон. Как искупление – обретение мной дара.

Я обрел его 11 сентября 1999 года. В тот вечер в наш дом пришел Дядьсаша Фадеев. Я сам и открыл ему дверь.

– Что случилось? – Я удивлённо разглядывал его белое лицо.

– Андрей, позови маму.

Я вызвал ему мать и уже собрался уйти в гостиную, чтобы не путаться у них под ногами, но Дядьсаша остановил меня:

– Андрей, подожди. Дело в том, что… в общем, твой отец пропал без вести.

Голос Дядьсаши звучал тихо и убедительно. Дядьсаша ещё что—то говорил, но я больше его не слышал. Передо мной крупным планом возникло лицо моего отца. А потом картинка начала меняться. Она изменялась так стремительно, точно кто—то, сидя в моей голове, молниеносно выдергивал одни детали и бойко заменял их другими. В одно мгновение я вспомнил, как выглядел мой отец за час до своего отъезда. Каким было его лицо, когда он прощался со мной. Как мерцали его глаза, когда он садился в «Волгу». Я прочувствовал даже сокращение ударов своего сердца до того, как попрощался с отцом, и после того, когда он уехал. Я с невероятной скоростью оценивал все зрительные образы. Моя память тут же фиксировала все впечатления и делала чёткие, однозначные выводы. Неуверенность и сомнение на лице отца. Мучительная борьба с инстинктом. Понимание предопределенности. Усталость, и, наконец, принятие решения. Последнее усилие воли – и готовность самому сделать осмысленный шаг в страшную, фатальную вечность. Так идут в руки палача. Так мой отец шагнул навстречу своему убийце.

– Отец не вернётся – его убили, – перебил я Дядьсашу. Сказал так, как объявляют приговор – окончательный, без помилования.

– Андрюшенька, это не так, – шагнула ко мне моя мать. Фадеев успел перехватить её.

– Подожди, Света, постой… Андрей, – тихо окликнул Фадеев меня. Я упрямо повторил:

– Вы не понимаете: мой отец не вернётся. Он хотел умереть. И я знаю: его убили.

Услышав это, «совет двух» испуганно переглянулся. Лица у обоих перекошенные. У мамы жилка дергалась на виске. У Фадеева на лбу бисеринки пота. Мать немедленно предложила вызвать мне «скорую».

– Да, Света. Набирай. У Андрея шок, – согласился Дядьсаша.

Никто тогда не догадывался, что со мной. О том, что было со мной, я узнал много позже. Но уже на первом курсе МГИМО, готовясь к сессиям, я мог за четыре секунды прочитать страницу самого сложного текста. Легко запоминал в день до сотни страниц. Увидев человека раз, мог вспомнить и рассказать, при каких обстоятельствах встречал его. Я мог вытащить из памяти жест этого человека.

Мог полностью погрузиться в его мир и «считать» с него все эмоции. В 2009 году мой приговор был окончательно оглашен тестами Интерпола: «Унаследованная эйдетическая память – способность запоминать образы и максимально точно воспроизводить их. Эмпатия – высокая интеллектуальная способность анализировать и предсказывать реакцию другого человека».

Но тогда, 11 сентября 1999 года, до правды было ещё далеко. Моя мать окликнула меня: «Андрюша… корвалол… успокоительное». Но я ушёл от «совета двух» в кабинет отца и закрыл за собой двери. Я не хотел видеть их с Дядьсашей жалких лиц. Не желал слушать их объяснений. Мне ещё надо было сочинить какую—нибудь сказку для моей шестилетней сестры, которая в тот день ушла к подружке на день рождения. Последнее, что я помню о том дне – это то, как оглушительно может молчать тишина, когда я увидел шахматную доску отца. На ней осталось два главных героя: я, шахматная чёрная ладья – тура, равноценная пяти пешкам, и моя вечная противница – белая королева отца. С того самого дня моя жизнь кажется мне игрой в шахматы, где есть только белые и чёрные фигуры, только белые и чёрные клетки. И я понимаю, что я потеряю ещё много и все мои грешные поступки вернутся ко мне с болью, но эта партия не закончится до тех пор, пока не выиграю я – или белая королева…

В тот самый день, 11 сентября 1999 года, я поклялся найти того, кто довел отца до самоубийства. Я кропотливо искал убийцу долгих шестнадцать лет. Год назад я сдержал свое обещание. Поняв, что моего отца убил Симбад, я потерял в жизни последний якорь. К тому времени у меня и так мало, что оставалось. Была только вера в единственного человека – в тебя, Симбад… Сука, как я тебя ненавижу! Именно ты предал моего отца, чтобы получить мою маму. Когда я нашел капсулу с твоим личным признанием, то лишился веры в честных мужчин, в верных, искренних женщин. С тех пор я больше никогда не привязывался ни к людям, ни к вещам. Вещи, деньги – так, всего лишь предметы. Хуже с людьми. Все люди лгут. Людям я больше не верю. У меня есть работа, которую я, благодаря своему дару, делаю лучше других. И я ненавижу, когда меня от неё отвлекают. Я не люблю, когда мне звонят и на простой, дежурный вопрос «как дела?» по полчаса отвечают. Я ненавижу зануд с обостренным чувством трагедийной развязки. Я бешусь, когда мои уши пытаются занять ерундой. Тебе нужен совет? На. Иди, выполняй его. Меня раздражают те, для кого всё сильное и необычное является синонимами двум словам – «неприличное» и «аморальное». Я не люблю детей. Никогда их не хотел. А сейчас не хочу тем более… Но воистину нечеловеческую ненависть во мне вызывают красноречивые

женские взгляды, которые говорят: «Этому парню только одного не достает – чтобы рядом была такая, как я». Сука, да кто ты вообще? Что ты обо мне знаешь? Ты даже не представляешь, кем я когда—то мог быть и чем я скоро стану…

05:50. Паркуюсь у крыльца «Самбо—70» и преувеличенно вежливо раскланиваюсь с добродушным дедушкой—охранником. Поднимаюсь наверх, в спортивный класс школы и распахиваю дверь раздевалки.

– Здравствуйте, граждане отдыхающие, – смеюсь я.

В ответ раздается весёлый хор голосов двадцати чуваков примерно моего возраста:

– Здарова, Андрюха!

– Привет, Андрей.

– Как сам?

– Нормально. Ещё дышу, – отвечаю я сразу всем и начинаю переодеваться. Пятью минутами позже мы все, облаченные в «доги» – форму для обучения и тренировок айкидо, вваливаемся в додзё. Додзё – это зал для занятий айкидо, требующий специального поведения. После пятнадцатиминутной разминки мы разобьемся на пары – «ката» – и погрузимся в интенсивный курс, ориентированный на углубленное изучение разнообразных техник. В нашей программе – занятия для «чёрных поясов» ёсинкан – айкидок, тренирующихся годами, а также курс для молодых бойцов, намеревающихся получить свой первый «чёрный пояс».

– Ki—no—tsuke! – командует тренер (то есть «приготовиться!»).

Сажусь в базовую учебную стойку seidza (на коленях, с прямой спиной, руки сложены на бедрах) и остаюсь в таком положении в течении пяти минут. Это время для mokuso – тишины и полной концентрации. Для непосвященных стойка seidza неестественная и неудобная. Но за двадцать с лишним лет я к ней

привык. Наконец, занятия начинаются…

07:56. Поскрёб ключом, зажатым в левой руке, в замочной скважине. Попинал ногой дверь и ввалился в родную хату. Нет, на тренировке мне не накостыляли – не успели. Я — yudansya (обладатель «чёрного пояса») и sidoin (мастер пятого дана), что для айкидо офигительно много. Забавно, но мой почетный титул мастера боевых искусств идентичен моему кандидатскому минимуму. Плохо то, что неделю назад я, как человек, в общем, не злой и по природе общительный, взял на свою голову себе в «ката» нового парнёра. Лёша – Алексей Сыроежкин – когда—то занимался кикбоксингом (представьте себе двадцатисемилетнюю груду мышц, упакованную в квадрат ростом метр девяносто, с простодушным лицом русского былинного богатыря, предлагающего навесить всем желающим православных люлей). В нашей школе ёсинкан Лёша дошёл пока только до «коричневого пояса». Лёшу это обижает, и в то же время вызывает в нем тайную гордость: дело в том, в ёсинкан обладатели «коричневых поясов» считаются самыми опасными партнёрами. Овладев кое—какой техникой, они ещё не научились дозировать усилия и поэтому просто бьют. Леша бить любил. С учетом его кикбоксинга, немногие выстояли с ним в «ката» и в драках, которые иногда происходят за периметром школы.

– Дрон, как думаешь, почему «чёрных» в Москве всё больше и больше? – ленивым тенорком осведомился Лёша в перерыве между отработкой бросковых техник и техник нанесения ударов по нервным центрам и уязвимым точкам.

«Дрон… чёрные… Кошмар. Просто ужас какой-то.» Я непроизвольно морщусь: ненавижу весь этот вызывающий у меня рвотный рефлекс лексикон рабочих окраин, порождённый любовью к блатным песням и излишне доступной водкой. Гонор быдла и лексика деклассированных групп, для которых «культура» – это всего лишь название одного из федеральных каналов на нашем ТВ. Улучив момент, когда отвернулся инструктор, сообщаю любопытному Лёше, что коварные гости с гор уже давно освоили новую технику размножения.

– Это какую? – Лёша Сыроежкин в белом доги очень похож на большой королевский гриб—шампиньон.

– А твои нелегалы почкованием размножаются, – отвечаю я, совершенно некстати вспомнив школьный курс ботаники.

– Это еще что такое? – Светлые бровки Лёши недоуменно ползут вверх.

– А ты спроси у «простейших».

Сыроежкин улыбается и, счастливый, кивает мне.

– Понял, найду, Дроныч. А где простейшие этим занимаются? – Лёша спрашивает ну очень заинтересованно.

«Ага, понятно: „чёрные“ для Лёши – это исключительно простейшие. Дай такому волю, и он отделит от христиан иудеев и мусульман, после чего создаст свой миниатюрный „Освенцим“ с трогательной надписью над входом: „Мильхемет и газават. Welcome, твари нерусские“…»

– Лёш, а ты в своём любимом «Бирюлево» под всеми ящиками посмотри, – зло советую я. – Знаешь, как грибы размножаются?

– А причем тут грибы?

«Нет, Сыроежкин – это всё—таки очень тупое животное.» В конце концов, Лёша догадывается, на что я ему намекал. Шутка, конечно, так себе, но чуваки, что отрабатывают технику рядом, тихо ржут, прислушиваясь, как я на свой лад воспитываю этого недоросля.

– Ладно, Лёш, извини, – говорю я, чтобы снизить градус. В качестве компенсации показываю Леше некоторые техники при работе с боккэном. Сейчас занятия с этим видом древнего японского оружия исключены из ряда школ, но у нас они пока практикуются, чему я очень рад: мало кто знает, сколько забавных и по—настоящему действенных вещей можно сделать при помощи этой палки. Именно поэтому в современной Японии к боккэну до сих пор относятся с должным уважением. Когда я мотался в Токио в прошлом году для сдачи экзаменов на сертификат «Yoshinkan Aikido Ryu», меня обязали сдать мой боккэн в багаж, как сдают оружие. А сейчас я, как старший, добрый товарищ, демонстрирую Лёше, как эффективно нанести боккэном тычковый удар. И как в момент удара сделать шаг в сторону и вперёд, а потом развернуться боком и пропустить боккэн мимо себя. Как перехватить его и как, действуя боккэном наподобие рычага, выкрутить запястье противника. И как противодействовать этому болезненному захвату, если метят в тебя. Потом опускаю вниз руки.

– А теперь ты бей, – предлагаю я. Сырожкин прищуривается и тут же пытается зашарашить боккэном мне прямо по правому плечу, где у меня была рана. Ухожу от удара.

– Лёш, пошутили и хватит, – по—хорошему предупреждаю я.

– Ага, – Лёша прицеливается и снова метит мне в правое. Пришлось выбить боккэн у Сыроежкина, уложить его на мат и несильно стукнуть этого идиота каширой боккэна прямо по дурной голове, чтобы начал соображать хоть немного. По додзё немедленно прокатилось раскатистое «бум—м—м», точно кто стукнул палкой по пустому жестяному чайнику. Меня это заинтересовало, и я дал Лёше по башке ещё разок. Прислушиваюсь: ну точно, благовест…

– Лёш, у тебя из головы звук, как из бубна.

Чуваки ржут уже в голос. Сыроежкин выбешивается прямо на глазах, бросает боккэн и, игнорируя мой поклон, уходит в раздевалку.

– А ну—ка вернись, – уже без улыбки приказываю я. Сыроежкин вскидывает на меня злые глаза. – Поклон и волшебные слова, – напоминаю.

– Domo arigato godzaj masita. Благодарю за то, что произошло, учитель, – нехотя произносит Лёша стандартную фразу для айкидок при обращении к сэнсею и кланяется мне. И потом, чуть тише, исподтишка: – Я тебя, Исаев, достану.

Лёша уходит, бросив на меня последний косой взгляд. Отзанимавшись и поболтав с чуваками, переодеваюсь, выхожу на улицу и тут же замечаю рядом со своей «бэхой» Лёшу, о котором успел благополучно забыть и который стоял и попинывал колесо моей машины.

– Ну чё, юдансия, здесь поговорим? – Леша недобро играет бровями.

– А ты уверен, что тебе это нужно? – фыркаю я.

– Я—то уверен.

(Еще бы Лёша не уверен: кикбоксинг в уличной драке считается круче ёсинкана).

– Лёш, ну его все нафиг, а? Охолони… Gomon nasai. Считай, что я виноват, – говорю я. Но, если откровенно, то во мне уже играет дурная кровь того самого мальчишки, который всегда знал не столько, как драться, сколько как выигрывать у противника.

– Ну нет, так просто ты не отделаешься… Лови удар, гнида. – И Лёша в яростном прыжке стремительно выкидывает вперед ногу и правую руку. В итоге, наш короткий бой длится ровно две секунды, после чего я лично вызывал подвывающему Лёше «скорую» и втайне поздравлял себя с тем, что вся эта идиотская драка произошла в тихом дворе, а не в школе, где я – если бы инструктор засёк меня – навсегда бы лишил дана…

Я всегда знал, что агрессия – это дрянь. Агрессия – это когда я не в себе. Впрочем, я уже давно не в себе, как нашёл капсулу Симбада. Чтобы скинуть усталость и злость, залезаю в ванную. Через полчаса вылезаю из душа. Как был, мокрый, голый и злой, потопал на кухню, потирая правое плечо, куда метил Лёша. Открываю настежь окно и закуриваю. А из могил ко мне поднимаются тени прошлого…

Апрель 2007 года. Мне двадцать четыре, и с сентября 2006 года я – полноправный оперативник в агентстве Фадеева «Альфа». Пятница. Шумный «Спотсбар» на Новом Арбате. Алкоголя во мне в тот вечер было ровно столько, чтобы чувствовать себя похотливо и непринуждённо. Приперся я сюда в поисках, кого бы подснять. Оглядываюсь, делая выбор между хорошенькой шатенкой и симпатичной брюнеткой. И тут кто—то трогает меня за плечо:

– Дайте пройти, пожалуйста.

Оглядываюсь и вижу невысокую девушку с бледно—голубыми глазами на пол—лица и тёмно—русым хвостиком.

– Пожалуйста, дайте пройти к выходу, – настойчиво повторяет она.

– Дам. Если ты пять минут посидишь со мной. А ты посидишь?

Девушка молча оглядывает меня и, что—то прикинув, кивает. Заказал ей «мохито», себе взял сто пятьдесят односолодового виски (ага, в те времена было там и такое). Познакомились. Хотя, скорее, это я разболтал её…

Ее звали Таня Архипова. Двадцать девять лет. Уроженка Санкт—Петербурга. Со смущенной улыбкой Таня призналась мне, что вот уже два года, как она жена пресс—атташе посольства США, некоего Джейми Кэрри. Но мне не до её мужа. Потому что я уже совсем бухой и Таня ужасно мне нравится. И я сунул Тане свою визитку. Красиво и загадочно изложил, какой я молодец и как здорово я работаю в «Альфе». Таня внимательно выслушала меня, задала умные вопросы. Я отвечаю, но чаще глубокомысленно молчу, делаю умное лицо и отпиваю из стакана. На второй порции виски Таня нежно улыбнулась мне, потом наклонилась и шепчет:

– Ты очень хороший мальчик, Андрей.

– Ага, я такой. – Отвечаю и поцелуем впиваюсь Тане в шею.

– Поедем в «Метрополь». Прямо сейчас, – задыхается Таня.

– Куда? – я сначала даже замешкался. «Ничего себе запросы у неё…» Впрочем, довольно быстро я сообразил, что в кармане у меня карта «American Express», а на ней штуки две грина, отложенные от зарплаты. —А давай, – задорно соглашаюсь я.

– Да нет, ты не так понял, – смеётся Таня, – я на Тверской не утюжу. Просто у меня есть номер в «Метрополе», и он уже проплачен. – Таня, как истинная женщина, разгадала меня.

– Кем проплачен, honey? Ты же домохозяйка, а не проститутка, – прищуриваюсь я.

– Кое—кем проплачен. А кем – секрет фирмы. – Таня улыбается мне грустно и таинственно.

– Да—а? Ну, поехали, загадочная ты моя…

Через час мы уже в отеле. Самовлюблённый идиот – я знал, что она мне даст. И она трахалась со мной запойно. Безбашенный, ничем не защищённый секс. Бешеное, несказанное удовольствие. А на утро признание – причина нашей ночи, озвученная Таней вслух:

– Андрей, я хочу ребенка.

– Валяй, – обалдело разрешаю я, наблюдая за тем, как Таня принимается одеваться и звонить своему Джейми Кэрри. Утешив мужа, Таня подумала и говорит:

– Андрей, если будет мальчик, назову в честь тебя – Эндрю. Есть такой святой в Шотландии. Предки моего Джейми из Эдинбурга.

«Ничего себе. Так это муж Тани, что ли, номер оплатил?»

– Тань, – начинаю я прозревать истину, – а что там не так с твоим мужем?

Таня прячет глаза и, помедлив, неохотно признается:

– Андрей, Джейми зачать не может. У него… – И дальше следует что-то витиеватое и многоступенчатое из раздела практической урологии, из чего я делаю вывод, что у Танинового Джейми с этим делом полный швах.

«Ну спасибо тебе, дорогая, за эту ночь и последующее признание.»

– Тань, а как назовешь, если девочка? – Это я решил так простебаться над ней. В ту же самую секунду Таня мне и выдает:

– Если девочка, то назову Энди. И тоже, в честь тебя.

«Так, всё, приехали… Знаешь, что, my sweet honey Таня, а ты спросила меня, о ком думал я, пока тут с тобой кувыркался?». Через полчаса мы расстались. Я даже номер её мобильного не взял. Но через девять месяцев Таня сама нашла меня, остроумно воспользовавшись моей визиткой.

– Андрей? Это Таня Кэрри звонит. Привет. Помнишь меня? Поздравляю: у нас – девочка. Нереальные ресницы. Серые глазки. Как у тебя… Как и обещала, назвала девочку Энди.

– А что наш муж? – спросил я.

– А муж признал девочку… Спасибо тебе, Андрюша, что теперь у нас дочка есть. Это – наше с Джейми самое дорогое.

«Здорово. Главное, что Танин муж одобрил нас…» И я повесил трубку. Через два года еще один звонок. Сразу понял, кто звонит, как только услышал истерику в телефоне:

– Тань, что тебе надо, а?

– Андрей, беда стряслась. Муж сейчас в Вашингтоне. А я родителей приехала навестить, они в Москву переехали. Здесь, в «Медведково» живут. Девочку еще утром в ясли отвела. Полчаса назад пришла забирать её, а мне говорят – вашу дочку уже какой—то мужчина забрал… представился моим мужем… Боже мой, что мне делать, Андрей?

– В «ментовку» бежать, дура! И давай, быстро мне говори, где живут все те, к кому ты ещё ездила.

– В каком смысле «ездила»? – у Тани амок.

– А от кого ты ещё беременеть пыталась. Не один же я такой распрекрасный у тебя был. Ну, давай все адреса, живо!

Испуганная Таня выдала мне три адреса. Я выбрал один (ага, тот, что в «Медведково»).

– Перезвоню!

– Андрей, только будь осторожнее, и…

Не дослушав, я бросил трубку, схватил куртку и понёсся в «Медведково».

Дочь Тани я нашел ровно через час. Это был типичный грязный подвал в спальном районе. Алюминиевые баки с покорёженными крышками и отходами. Серый бетон пола, на окнах – гнилые решётки. Смрад крыс и отвратительный застоялый запах мочи. А еще – странный, чистый аромат тиаре. Этот белый цветок изображен в волосах женщин на картинах Гогена. Я запомнил это название, потому что так пахла для меня только одна женщина. Запах тиаре и привёл меня в подвал. Представив на минуту, что я могу увидеть ту, которую любил, в этом подвале мёртвой, я испытал дикий, животный ужас. Да, я боялся за неё, а вовсе не за Таню и не за Танину дочь. Захлестываемый эмоциями, я шёл вперёд, пока не заметил на полу два маленьких комочка: чёрного плюшевого, растерзанного, измазанного кровью мишку и крохотную девочку в чёрной цигейковой шубке. На руках у девочки были красные варежки, расшитые снежинками. Точно такие же варежки были в детстве и у меня. Я присел и осторожно взял девочку на руки. Её маленькая головка, прикрытая вязаной шапочкой, безвольно завалилась набок. Невесомое тело ребёнка было гуттаперчевым. Так бывает, когда позвоночник перебит. Я сдвинул с лица девочки шапку и обомлел, увидев, что глаз у ребенка нет – глаза у девочки вытекли, потому что кто—то безжалостно выбивал их каблуком. Потом я услышал чьи—то быстро спускающихся вниз шаги и заорал, как безумный: «Ноль три наберите!».

Я осекся, когда увидел бешеный взгляд жестоких чёрных глаз и неумолимо поднимающееся на меня дуло пистолета. Мгновенный, чудовищный выброс адреналина. Краткое понимание, что если бы не страх, то я бы предугадал убийцу, потому что он пах грязью и смертью. Потом был огневой вихрь, резкий удар в правое плечо, горячий, как горсть кинутых туда угольев. Невероятная боль. Дикий хрип – мой. И грязный бетонный пол, приближающийся к моему лицу с головокружительной скоростью. Удар, темнота. И ничего. А потом я очнулся. Сначала я почувствовал своё правое плечо. Там фиолетовым цветком расцветала огромная, отвратительная дырка. Вокруг дыры вспухал бугор, наполовину скрытый курткой. Дышать я почти не мог. Но совсем рядом я услышал ещё один выстрел. Еле-еле повернул голову. Я никогда не знал, что я могу так кричать. Попытался встать. Не смог. Попытался ползти – обезножил… А убийца продолжает хладнокровно стрелять. Сначала девочке в живот. Потом – в грудь. Последний выстрел был в голову. Я навсегда запомнил красное, мясное месиво вместо детского лица – и запах крови, агонизирующей боли и смерти. И я снова потерял сознание… Когда я второй раз вернулся в этот мир, то надо мной было мокрое от слёз лицо вмиг постаревшего Дядьсаши. Он сидел передо мной

на коленях и беззвучно плакал, закрывая своей спиной искорёженное маленькое тело.

«Андрей, у тебя дочь. Нереальные ресницы, серые глазки… Я назвала её Энди… Однажды девочка вырастет, и я скажу ей, кто её отец. И она тебя полюбит – полюбит так же сильно, как когда—то хотела и могла любить тебя я….»

Пожалуйста, прости меня, Таня. Я бы мог спасти твою дочь, если б только меня не подвела моя трижды проклятая память. Если б только она не подсунула мне чёртов аромат белого цветка и не напомнила мне о женщине, к которой в нашу с тобой ночь так отчаянно взывал я, то я бы спас твою девочку. Но я и представить себе не мог, что так может пахнуть мой нежеланный ребёнок…

– Дайте посмотреть на девочку, – просипел я.

– Нет, – Фадеев сказал, как отрезал.

«Нет, так нет.»

– Где убийца? – спрашиваю.

– Вон, – и Фадеев кивнул влево. Я глазами нашел труп этого урода. Маленькая аккуратная дырка в его голове. Тонкая, как зазубрина, извилистая струйка крови. Один выстрел. Профессионально. Я бы так точно не смог. Я бы убивал его медленно, разрывая руками по частям.

– Вы сделали?

– Да, – кивнул мне Фадеев.

– Нет. Вы скажете, что это я. А я отсижу. – И я потерял сознание. Окончательно очнулся я уже на больничной койке. Хотел сбежать на суд, когда слушали дело Дядьсаши. Я почти уже встал, но сосед по палате поднял крик, после чего налетели гады в белых халатах. Они быстро скрутили меня. Привязали к кровати на все четыре конечности – и привет. Так я и лежал, распятый буквой «икс». Кормили меня принудительно. Я ничего не хотел. Смотрел в потолок. Отказывался отвечать на вопросы. Навсегда потерял страх перед смертью.

Понял, что сам могу убить. Нет, умирать я не хотел: мне было всего—то двадцать шесть лет, и я любил женщину – любил в первый раз, любил до самозабвения…

Когда я вышел из больницы, то прочитал заключение дела сам. Фадеева оправдали: он выстрелил в убийцу, когда тот собирался разнести череп мне. У Фадеева был обычный «люгер». У убийцы – «чезет» с патронами «парабеллум» на девять миллиметров. Теми самыми развёртывающимися пулями, которые в нашей стране классифицируются как разрывные. Жуткий заряд, который если не убивает, то калечит навсегда… Убийцей дочери Тани был тридцатипятилетний, не сильно обеспеченный петербуржец – первая любовь Тани Архиповой—Кэрри. Когда—то он работал в спецназе Министерства юстиции РФ. С работы его выперли за беспредел, он попытался затеять свой охранный бизнес, но дело не пошло, и чувак начал пить, скулить и, в конце концов, прочно уселся Тане на шею. Таня ушла от него, когда он начал её бить. А он стал следить за ней. Контролировал каждый её шаг. Абсолютно съехал с катушек, когда Таня вышла замуж. Окончательно ошизел, когда узнал, что у Тани растёт дочь. Раздобыл пистолет и выследил Таню Кэрри. Выкрал её ребенка и отомстил женщине так, как сумел. Неудачник, оказавшийся психом… Он умер от выстрела Фадеева, даже не почувствовав смерть, так и не узнав, кем был тот, кто орал ему «ноль—три наберите». Если бы знал, то наверняка бы убил меня. И я никогда бы в жизни не испытал самое страшное чувство вины – вины выжившего перед убитым. На память о том дне я и ношу свой шрам – крест неведомого мне Святого…

Но если тот апостол был Святым, то я – точно нет. Фадеев это понял, когда ему в истерике позвонила Таня и рассказала, как она отправила меня на розыски своей дочери. Просто у Тани, как у всех российских женщин, была эта вечная, проклятая тяга к самопожертвованию. Отправив меня на розыски своего ребенка, Таня тут же сдрейфила. А вспомнив, где я работаю, разыскала телефон «Альфы» и потребовала подозвать к трубке Фадеева. Терзаясь от чувства собственной вины, Таня выложила Дядьсаше всё. Сообразив, что к чему, Дядьсаша нашёл меня по моему GPS—трекеру. Дядьсаша так никогда и не узнал, что Энди была моей дочерью. Таня побоялась идти до конца. Промолчал и я. А чем тут было хвастаться? Я никогда не видел свою дочь живой и здоровой – не хотел. Было всё равно. Не дали посмотреть и на мертвую… Таня уехала в Вашингтон и увезла трупик Энди с собой. Таня больше никогда не искала меня, как и я её. Наш союз был случайным. Ребенок был случайным. И только боль – настоящей. Именно эта боль и привела меня в Интерпол делать мою работу: искать потерянных и тех, кто пропал. Находить их – живыми или мёртыми.

У Кинга я прочитал, что именно так приходит искупление, потому что хорошими делами можно загладить свои грехи. Но совесть – не супермаркет, а для убитых миг смерти определяет не Бог, а другой человек[6 - Источник цитаты: Стивен Кинг «1922 год».]. Я не верю, что можно сделать добро из зла, а из дурного – хорошее…

Вот так, схлопотав свое первое и единственное ранение, я разом забил на все голливудские боевики, где главный герой после такой раны еще пару часиков бегает, а, набегавшись, ещё и ухитряется пару девок отшпилить. На самом деле после таких ранений в плечо (и это при условии, что ты попал в счастливый процент выживших) бывает раздробление костей, повреждение нервов, невролиз и болезненная пластика для закрытия дефектов кожи. Лично я отделался четырьмя операциями, уродливым швом и болью в плече, если забываю беречь его. Впрочем, шрам преподнес мне ещё одно оригинальное развлечение. Теперь мне приходится каждый раз придумывать ответ на умильный вопрос очередной подружки. Вопросы обычно варьируются от умеренного «ой, а как это случилось, Андрей?» до абсолютно идиотского «ой, а это было больно?». И что, мне теперь надо всем исповедоваться? Ещё чего. Есть другой вариант. Даже три. Все на «отлично» прокатывают:

– Нет, не больно. Просто у моей бывшей неправильный прикус был…

– Да мы тут как—то баловались, меня подвешивали к потолку, но я сорвался с веревочки…

– Слушай, детка, не приставай ко мне, а лучше займи свой рот каким—нибудь делом…

Кстати, о деле: где, спрашивается, мой завтрак? Открываю холодильник и первым делом вижу апельсиновый сок. Так, и что эта гадость делает в моём доме? Фи, кошмар. Выливаю сладкую мерзость в раковину, в урну выбрасываю картонку. С интересом оглядываю недра своего бездонного холодильника, где давно повесилась – нет, даже не крыса, а целый боевой крысиный эскадрон. Колбаса, сыр, два яйца. Чиабатта, молоко, две груши. Супер, но готовить я не хочу. Да и руки у меня в этом плане растут из… короче, растут не оттуда. Начинаю жалеть, что вчера отправил Диану домой вместе с посылкой от мамы. Но, вспомнив о том, что вся эта мамина

«домашне—полезно—здоровая—еда—давай—ешь—Андрюша», все эти её полустёртые от долгого применения коробочки с макаронами и кусками мяса выглядят как… одним словом, плохо выглядят, я повеселел. Принимаюсь раздумывать, ограничиться ли мне звонком в местное говно—sushi, или поесть где—нибудь нормально, в городе, в кафе. Выбираю второе, как человек разумный. Заварил себе чашку робусты, с подоконника сгреб в стопку ноутбук, iPad, бумаги и в ожидании кофе разложил всё принесённое на кухонном столе. Сам сел в любимое кресло, перекинул ноги через подлокотник и начал анализировать составленную мною вчера схему «лепки» «объекта».

08:10. Итак, мой «объект» – Маркетолог. Ее зовут Ирина Файом. Это женщина, которая с прошлого четверга у меня из головы не выходит. И при этом я с упорством маньяка почему—то до сих пор называю её Красной Шапочкой. Интересно, почему? И вообще, ну что в ней такого особенного? Ну да, у неё интересное, немного ассиметричное лицо и глаза нереального цвета. Очень привлекательна на свой лад, но я не могу сказать, что она абсолютно в моём вкусе. Откровенно говоря, я блондинок вообще не люблю, да и с этой не стал бы возиться в прошлый четверг, в Лондоне, если б только не похоть, которая пришла ко мне с самого первого взгляда. Окей, я был не прав, а вот Красная Шапочка всё сделала правильно: убила меня наповал именно тогда, когда я перед ней раскланивался. «Стерва. Ненавижу… Нет, ну что в ней такого?» Обнаружив, что я уже пять минут, как сижу и невесть о чём думаю, я одёргиваю себя и возвращаюсь к своим схемам и записям. Несколько кружков, обозначающих связи «объекта», так и остались незаполненными со вчерашнего дня. Открываю ноутбук и отправляюсь за информацией в Google. Люблю этот поисковик. Для начала изучаю всё, что смог найти на «заказчика» – на Даниэля Кейда. Посмотрел его фотографии, поискал на него информацию в сети. А там – одни пресс—релизы об объектах, сданных его компанией точно в срок (респект, уважаю). Релизы написаны хорошим литературным языком, но это – всё. И это очень странно, потому что создаётся впечатление, что у Кейда личной жизни вообще нет и никогда не было. Но так не бывает, потому что на монаха Кейд не похож. И кстати, зачем ему Красная Шапочка?

На этот вопрос у меня есть несколько версий, но самым подходящей (и приличной) является мысль о том, что Кейда интересует исключительный профессионализм моего «объекта». Но Красная Шапочка, как известно, уже работает на «НОРДСТРЭМ». И я отправляюсь искать данные на эту компанию. В последнее время об этой корпорации только ленивый не пишет. Ещё бы,

«НОРДСТРЭМ» – банковский аналог ГАЗПРОМа: огромный монстр, со вполне приличным EBITDA, нереальными прибылями и котируемыми акциями. Как результат – практически стопроцентная монополия на отечественном рынке платёжных систем. Как показатель доверия партии и правительства – участие в создании национальной платежной системы, основным элементом которой станет разработанный код безопасности «НОРДСТРЭМ». На всякий случай, решил поискать, кто является архитектором кода. Быстро выяснил, что это некий Дмитрий Александрович Кузнецов, вице—президент «НОРДСТРЭМ», у которого, по слухам, и работает наша Ирина Прекрасная. Итак, круг замкнулся, и если я прав, то мне придётся копать вокруг Кейда, а заодно выяснять, что представляет собой эта Файом и её шеф, Кузнецов Дмитрий Александрович.

Полез в интернет выяснять всё про Кузнецова. Занятный чувак. На графа Дракулу похож – того, что из «Ван Хельсинга» с Хью Джекманом (только Кузнецов без хвостика и такой же белобрысый, как и Файом). Потом открыл базу данных МВД. Посмотрел данные на Кейда (ба, да у него целый автопарк помимо «кадиллака»), на Кузнецова (как ни странно, но у вицика из «НОРДСТРЭМ» всего один «лексус») и на Маркетолога. Сижу и читаю:

«Файом Ирина Игоревна.

Водительские права: категория «В» (автомобиль) и «А» (мотоцикл).

Наличие автотранспорта: по категории «А» – отсутствует.

По категории «В» – Фольксваген Touareg 3,0 V6 TDI.

Год выпуска: 2012.

Цвет: тёмно—серый.

Регистрационный знак: В413ЕК777РУС.

Дата регистрации: 10 ноября 2012 года».

Ух ты, а Красная Шапочка, оказывается, умеет водить байк. Беру данный факт на заметку. Из системы Интерпола i—24/7 я уже знал, что Ирина Файом живет от меня всего в трёх автобусных остановках, а ещё, что она родилась 7 ноября, как и я. На её именины мне наплевать (вряд ли она пригласит меня), а вот мысль о том, что этот «туарег» – подарок к её дню рождения, приходит мне в голову быстро. И если это так, то у Файом кто—то есть. Не то, чтобы меня занимало, с кем Маркетолог траха… sorry, проводит время, но то, что у Красной Шапочки может быть обеспеченный чувак, который её спонсирует – эта информация мне понадобится.

08:30. Итак, схема «лепки» «объекта» готова. И теперь мне остаётся только разработать стратегию выхода на контакт с «объектом». А для этого мне нужно отправиться в город. Иду в комнату, разыскиваю в шкафу кипельно-белую футболку «Dsquared». Покрутил в руках чернильные джинсы. Не знаю, где сестра купила мне их: то ли в Италии, куда прошлым летом на этюды моталась, то ли вообще в «Коньково». (Но скорей уж в Италии, потому что Диана у нас девочка очень пафосная, учится в «строгановке», да и «гуляет» пока на мои). Подумав, засунул джинсы обратно в шкаф и натянул кожаные брюки с защитой. Отправляю схемы в задний карман брюк, сдергиваю с вешалки куртку. Там кевларовые вставки и вообще она ничего так себе, удобная, и одна из немногих вещей, которые мне по—настоящему нравятся. В карман мотокуртки отправил затычки для ушей. Еду я не на «дальняк», но затычки беру с собой по привычке, они нужны, чтобы в ушах от скорости не гудело. Осталось прихватить карбоновый шлем—интеграл «AGV» с собственноручно заклеенным мною номером «46»[7 - Мотошлем AGV, обладающий улучшенной аэродинамикой и созданный при участии Валентино Росси – одного из самых успешных мотогонщиков всех времён, выступавшим под номером «46». Этот номер – непременный дизайн всех шлемов, разработанных при его участии.] и взять ключи от dual—sport «BMW R1200 GS», которого мотогонщики называют «большим гусем» из—за особенностей дизайна.

08:45. Насвистывая «Sex On The Fire» (речь в этой песенке как раз идёт о том, в чем я большой специалист), я бодро вхожу в двухэтажный гараж, где арендую два места. Но спешил я не за своим автомобилем, а за своим «большим гусем». «Четыре колеса для тела, а два для души», – вспомнил я недавно прочитанную фразу из мотоблога. Я фыркнул. Увы, я так и не смог избавиться от дурацкой привычки загружать в свой мозг любые занятные данные. Но самое интересное,

что я мог и извлекать их из своей головы в виде полезной информации, в любое время. В это утро в гараже никого нет. И я выдыхаю, поняв, что сегодня мне удастся избежать расспросы любопытных «гаражников», у которых невероятно длинные языки и куча времени, чтобы чесать их. Надев шлем и обняв коленями серебристый распластанный блок цилиндров, выруливаю и отправляюсь на разведку на Юго—Западную улицу. Найдя улицу, дом и подъезд, где живет Красная Шапочка, намечаю для себя несколько зон, не просматриваемых ни со стороны подъезда, ни из окон её квартиры. Нашел оптимальную для наблюдения точку, где и расположился. Заглушив «BMW», я передвинулся на заднюю часть седла и вытянулся на нём. Осматриваюсь.

Во—первых, меня интересует машина «объекта». Во—вторых, сам «объект» – то есть сама Красная Шапочка. Разглядываю ряды «ауди», толстощёких «хендаев» и глазастых «ниссанов», но «туарега» Файом не вижу. Уехала куда или же на стоянке держит свою машину? Ничего, подождём. Подождём и всё выясним… Снимаю мотошлем и вытаскиваю из кармана куртки криптофон, торжественно выданный мне в Интерполе. Для них это защищённое средство связи, а для меня – iBooks, iPhone, пасьянс, музыкальный центр и много чего другого. Открываю электронную версию «На Западном фронте без перемен», и, периодически косясь на дверь подъезда «объекта», углубляюсь в любимую книгу. Я уже добрался до пятой главы, когда услышал шорох шин и заинтересованно поднял голову.

09:01. К подъезду Красной Шапочки торжественно подкатывает золотистый «Lexus GS 460», вылизанный до неприличного блеска. Из «лексуса» выпрыгивает светловолосый чувак, слишком бодрый для воскресного утра. Приглядываюсь к номеру и к чуваку. Опаньки, какая встреча! Да это же Дмитрий Александрович Кузнецов, собственной персоной.

«Личные данные: тридцать шесть лет. Отец – Александр Кузнецов. Мать – Виктория Кузнецова. К настоящему моменту родители умерли. Сам Дмитрий Кузнецов холост, в браке не состоял. Детей нет. Образование и профессиональные данные: выпускник Бауманки (диплом с отличием), обладатель западного PhD, кандидат технических наук и пятый номер в российском топ—50 CIO[8 - CIO – аббревиатура, образованная от английского «Chief Information Officer». Обозначает менеджера высшего звена, отвечающего за ИТ и автоматизацию.]. Место жительство: Фрунзенская набережная, дом 58, квартира 88. Имеет загородный дом под Новой Ригой. Шмотки: «Z Zegna»

(ничего так), «Pal Zileri» (нормуль), «Dior Homme» (вот псих), «Tonello» (вообще не пафосно). Отдых и хобби: большой барьерный риф, Каталина, Мальдивы, Мальта (всё – в топ—10 для дайвинга). Горные лыжи и бильярд (последнее – почти профессионально). Любовницы и личная жизнь…». А вот тут всё сложно…

Впрочем, кое—что я всё—таки нарыл. Штука в том, что в конце 2005 года наш Кузнецов спалился с замужней адвокатессой, но историю быстро замял. Сначала «мы с Ларой просто друзья», потом «мой адвокат – мадам Голдина» и, наконец, «мы подаем в суд на клеветников, вместе с Ларисой Дмитриевной». Ну а дальше «… Краснопресненский суд города Москвы рассмотрел иск Кузнецова Д. А. и Голдиной Л. Д. к газете „Новость и День“ о защите чести, достоинства и деловой репутации, и признал» это начисто продажное, отвратительное, клеветническое издание полностью виновным. Штраф издания составляет (и дальше какая—то астрономическая сумма в рублях). После чего главный редактор вмиг обанкротившегося издания провожал Кузнецова и Голдину из зала суда, биясь головой об пол… Одним словом, Дмитрий Кузнецов – крутой чувак. Интересно, а какого лешего ему у дома Файом понадобилось? И тут мне откровенно фартит, потому что Кузнецов вытаскивает из кармана мобильный и орёт в трубку:

– Ира, зайка моя, с добрым утром! Выходи и выноси Такеши.

Моё сердце дает два глухих удара, и я активизирую встроенный в криптофоне микрофон направленного действия, предназначенный для «прослушки» на расстоянии. Надев на голову «AGV», включаю записывающее устройство, настраиваю громкость и поудобнее усаживаюсь в седле «BMW» в ожидании шоу.

«Ну давай, Красная Шапочка, выходи. А то твой Зайка заждался… вон, как прыгает.»

Минуты через две серая дверь подъезда открывается и, изогнувшись на седле, я вижу свой «объект», одетый во что—то не сильно облегающее, но довольно красивое. Похоже на платье и весеннее пальто. Причём оба наряда не скрывают ни тонкой талии, ни точёных женских ног. А ноги у «объекта» – идеальные. По моей шкале, десять из десяти. И я мысленно присвистываю, видя, во что обута Красная Шапочка. Я—то на Ламбетском мосту видел её в кедах. А тут какие—то крутые нереальные бежевые туфли на очень высоких и очень узких, иглой, стальных каблуках, которыми эта девочка может запросто кому—нибудь что—нибудь проткнуть. И мое трижды клятое воображение тут же услужливо

подсовывает мне коитально—оргазмическую сцену с Красной Шапочкой в главной роли. Причем я лежу, а женщина скачет на мне, царапая каблуками мои бёдра…

Мысленно показываю телу «фак» (я всё—таки на работе). Итак, на ногах у моего «объекта» какой—то нереальный фетиш, а в руках – большая пластиковая сумка—клетка, из тех, что служат для переноски маленьких животных. Но в клетке, которую тащит Ирина Файом, сидит кто—то тяжёлый. Красная Шапочка прямо выдохнула, когда поставила клетку на асфальт. И тут Кузнецов всех «порадовал»: шагнул к Красной Шапочке, заглянул ей в глаза, лихо положил руки ей на талию и по—хозяйски притянул её к себе. Мысль о том, что они спят, показалась мне отвратительной. А еще я почувствовал непреодолимое желание слезть с седла и дать Кузнецову в зубы прямо с ноги. «Так, стоп, стоять. Стоять, дорогие фашисты… Мне что, пять лет? Почему я так их ревную?..»

– Привет, Митя, – звучит чуть хриплый, наполненный чувственными нотками, голос Красной Шапочки, от которого у меня по спине тут же промаршировал полк мурашек. Ловко, как уж, женщина выскальзывает из объятий Кузнецова, лишая того возможности поцеловать её. Зайка—Митя недовольно убрал от женщины свои руки (ну, а я убрал от руля, который чуть не свернул, свои). Прищурившись, Митя наклонился и открыл клетку. Впрочем, мне видно выражение его лица и то, как он пытается показать, что не обиделся на Красную Шапочку. Пока я мысленно целую Ирине Файом ноги за то, как круто она обломала Зайку, из сумки, как перископ подводной лодки, высовывается круглая и ушастая морда огромного серого кота с раскосыми глазами. Ух ты, мейн кун. Обожаю. Котевич огляделся вокруг и недовольно зажмурился. Потом открыл один глаз, внимательно посмотрел на Кузнецова, громко сказал «ой—фуу» и снова скрылся в сумке. Кузнецов захохотал. А Красная Шапочка улыбнулась, плавно опустилась на корточки и ласково почесала за ухом кота. В ответ довольное «муфф» и нежный взгляд абсолютно счастливого животного.

– Такеши, я тебя люблю, – говорит женщина мягко, гладит нежно. Котевич в полном улёте. А я смотрю, как пальцы этой женщины касаются серой головы кота, и искренне жалею, что это не я вместо него сижу в той сумке—клетке. Кузнецов с плотоядным интересом наблюдает за Файом:

– Ира, Такеши от тебя без ума.

«Ага, и ты, Зайка, тоже.»

Между тем Кузнецов мажет Файом глазами.

– Ир, а куда это ты так нарядилась? – и Кузнецов указывает на туфли женщины.

«У Зайки что, фантазии, как и у меня? Ну, Зайка, ты и сволочь.»

– А мне к заказчикам надо, – отвечает наш общий с Зайкой «фетиш», – хочу деньги за сделанное забрать. Видишь, как наряжаться приходится?

– Вижу. Хвалю за «казадеи». Это – очень красиво.

– Тебе такие туфли подарить? – немедленно предлагает женщина.

– А мне такое не пойдёт, – Кузнецов ухмыляется. – А ты, зайка, учти: в туфлях ты смотришься куда как лучше, чем в этих своих кедах. Давай, носи каблуки, а то дай тебе волю – так бы по двадцать четыре часа в сутки и гоняла в своих «конверсах». Кстати, тебя до стоянки подбросить, а то вдруг свалишься и поползешь по дороге? В одной интересной позе… на четвереньках… как вчера, помнишь?

«Мда. Ты, Митя, не зайка. Ты, по ходу, безыдейный импотент, потому что применительно к этой девочке мне в голову пришла не одна, а сразу четыре позы». Я успел придумать еще две, когда я услышал:

– Очень смешно, Митя. И, главное, остроумно: представлять свою постоянную партнершу только на четвереньках.

Взгляды Файом и Кузнецова скрестились. Прошло несколько секунд, и вот оба уже смеются. Надо же, а они, оказывается, дороги друг другу. Была здесь и страсть, и любовь. Смотрю на эту пару и пытаюсь поймать нечто важное, что пока от меня ускользает.

– Так что, зайка, подвезти тебя до стоянки? – не отстает Митя.

– Нет, не надо. Я, пожалуй, пройдусь. Заодно и потренируюсь. – Файом обречённо глядит на свои модные туфли.

– Ну, хорошо. Тогда до встречи во вторник. Но если ты всё—таки передумаешь и в понедельник поедешь в «НОРДСТРЭМ», то скажи мне вечером, зайка. И тогда я буду у твоей стоянки ровно в девять утра. Как обычно, подхвачу тебя и завезу домой после работы. А ты ужином меня за это накормишь. Идёт?

«Фи, так Зайка ещё и попрошайка?»

– Нет, Митя, даже не ползёт: я в контору в понедельник не поеду. В полдевятого я отправлю тебе все файлы для «НОРДСТРЭМ», а потом сразу на дачу. Надо цветы посадить, а заодно, кое—что и для Эль сделать. Если что, позвони мне после десяти, поболтаем. Ну всё, хорошего тебе дня. Всё, laters – покедова…

«Покедова? Ай да Красная Шапочка, ну молодец. Ни спортсмену с Ламбетского моста не дала, ни мне в четверг, ни этому Зайке. Этому не дала, этому не дала и этому не даёт. Так, ну и что там Зайка?»

А Зайка кивнул, подхватил клетку с котом и пошёл, не солоно хлебавши, к своей машине. Через визор шлема вижу на лице Кузнецова горькое разочарование, но жалости к нему, по понятным причинам, абсолютно не испытываю. Красная Шапочка Файом насмешливо посмотрела вслед Мите, мазанула по мне глазами, опустила на лицо солнцезащитные очки и отправилась в сторону Профсоюзной. Мне интересно, куда именно она собралась. Подождав, пока отбудет намытый Митин «лексус», увозящий с собой несчастного графа—Зайку и его кота, пропускаю далеко вперед себя Красную Шапочку, завожу «BMW» и потихоньку двигаю следом…

Я ехал и смотрел, как изящно двигается эта странная, такая притягательная для меня женщина. Как прямо она держит спину и как мягко и женственно покачиваются под бежевым платьем её стройные бедра. Как легко и просто она идёт по жизни на нелюбимых ею каблуках, которые делают её нереальные ноги ещё длинней. И как она одним отточенным движением вскидывает руки вверх и на ходу превращает пряди волос в небрежный узел на шее. Я ехал и думал о том, что мой «объект» наверняка относится к тому редкому типу женщин, которые хорошо смотрятся как в одежде, так и без неё. И что этой Ирине Файом очень бы пошла загорелая нагота длинных ног и волосы по пояс. И что во всём

её женственном и манящем, точно поцелованном солнцем облике, есть нечто для меня знакомое, потому что… вот же чёрт… вот же фак… Вот же гадство-то, а?! Да потому что я её вспомнил!

Чёрт, я знаю, кто она. Я не шучу. Я действительно знаю эту женщину. И я знаю её не с четверга и не со вчерашнего дня, а с того самого времени, когда мне было тринадцать и я ходил на английский язык. Это же внучка «училки» по английскому языку!.. Ирина Файом… Какая, к дьяволу, Файом, если она сто лет как Самойлова?! Сто лет назад я называл её Красной Шапочкой, а она меня – Серым Волком Андреем… Так, всё, приехали. Это ж надо было мне так захотеть её забыть, что я даже не смог её вспомнить? Ещё бы, с моим—то самолюбием… Тем более, что Самойлова мне ещё и в четверг промеж глаз закатала… И зачем я только к ней сунулся? Я же изначально не хотел к ней подходить. Моя память меня оберегала, моя память – мой самый преданный слуга и мой самый жестокий хозяин – никогда не подводила меня. Это я – я сам! – заставил свою память забыть о ней. Стереть Самойлову, как мучительный стыд, как ночной кошмар, как единственное своё поражение…

Мысли в моей голове больше не устраивают салют. Всё выстроилось в один ряд и стало предельно чётким. Когда до меня дошло, кто эта Ирина Файом, я чуть с седла не свалился. Теперь понятно, почему моё сердце сразу откликнулось на неё… Ничего себе развлечение судьбы. Ничего себе шутка Бога, по сравнению с которой «Cirque du Soleil» – хоровое пение на канале «Культура». А я ещё хотел сегодня вечером файлы её пропавшего брата посмотреть и понять, кто мог знать о нём в её окружении… Теперь и напрягаться не стоит, она сама всё расскажет моим сыскарям. И, кстати говоря, куда это она направилась?

А Самойлова, как ни в чём не бывало, проплыла к огороженной автостоянке. Шлагбаум поднимается, и Ира, раскланиваясь с охранником, проходит внутрь и достаёт автомобильный брелок. «Так вот где ты держишь свой „туарег“, Красная Шапочка? Отлично, буду знать. Спасибо тебе большое.» Рассматриваю стоянку, обнесённую солидным высоким забором. Вверху – будка для охранника, внизу – другая, поменьше (но для собак). Собаки злые, тренированные. Красная Шапочка опасливо обошла стороной здоровенных мохнатых бобиков и поцокала на каблуках в недра парковки. Оглядываюсь в поисках маршрутов, доступных тем, кто выезжает с этого паркинга. Нахожу самый удобный проезд с полосой движения в одну сторону. Улица ведёт на Профсоюзную, откуда можно попасть

либо на МКАД, либо на Ленинский проспект. «Вот здесь, Красная Шапочка, я и подожду тебя. Потом выберу место, где тебя, моя девочка, „слепят“ мои мальчики. Не-не, не я – сам я, Ира Самойлова, больше к тебе не полезу…»

Пристраиваю свой байк на выбранной точке. Подожду Самойлову, потом сяду ей на хвост, посмотрю, как она водит машину. После чего до конца заполню схемы «лепки» «объекта», создам идеальную ловушку и поручу своим мальчикам-сыскарям до буквы исполнять все мои распоряжения. Мои «шпионы» получат в лице такого «объекта» «головняк», Самойлова ни о чём не догадается, а я буду сидеть в своём кабинете и всё контролировать. Положу ноги на стол. Пошлю секретаршу Фадеева в «Старбакс». И буду полдня пить кофе, а заодно хвалить, журить и поправлять своих бойцов, играть бровями и расставлять им оценки. Да, вот такой я теперь начальник. И если у меня плохое настроение, то плохое оно у всех. А сейчас у меня оченьплохое настроение…

Раздражённый неприятным открытием (Файом – это Самойлова, ха!), пристраиваюсь в уголке, у выезда, где растёт невероятная фиолетовая сирень, ещё не ободранная бабушками—вандалами. Сижу на седле «BMW» и поджидаю свой «объект», чтобы провести последние полевые испытания. От нечего делать, разглядываю фасад стоящего слева панельного дома. Серия П—44т, дом не старый, но вид у него, мягко говоря, того… короче, плохой вид: панели какие—то ободранные. Интересно, когда управляющая компания тут ремонт делала в последний раз, в прошлом году или в прошлом веке? А на балконах—то что делается! Ужас какой… Старые палки. Лыжи… Ой, а что это? Боже, какие огромные, омерзительно—розовые труселя сохнут на веревочке. Размер вообще нереальный. Не трусы, а паруса… Корчусь от омерзения и перевожу взгляд на соседний балкон. И что же я вижу, спрашивается? В апреле на балконе у кого—то стоит полностью снаряжённая ёлка. С шариками и звездочкой на макушке, ёлка надёжно обмотана прозрачной пищевой пленкой. То есть хозяева ёлки зимой снимают с неё плёнку и ставят её в комнате на Новый год? А потом снова заворачивают ёлку в плёнку и убирают до следующей зимы? Нет слов, как идейно. Вообще десять из десяти. Я такое только в «Instagram» видел. Но там была шутка, а тут кто—то реализовал саму идею на практике. Так сказать, приспособил к реалиям жизни. Надо будет чувакам рассказать…

09:10. Прицеливаюсь сделать фотку уморительной ёлки и слышу шуршание шин. Старательно делаю снимок и кошусь на проезжающий мимо автомобиль. Ага, так я знал: «туарег», а в нём сидит наше величество Ира. Красная Шапочка

бросает на меня небрежный, неприязненный взгляд и скользит на машине дальше. «Давай—давай, жми на газ, не спи за рулём, черепашка…» Из открытого окна «туарега» до моих ушей долетает знакомая мне мелодия. Быстро вспоминаю её название: «Winter» («Зима») в исполнении квартета виолончелисток. Отлично, я тоже люблю эту композицию – она очень похожа на стук сердца. И это настораживает меня: бешеный темп музыки никак не вписывается в плавную манеру Самойловой водить свой автомобиль. Прокручивая в голове мелодию, жму на газ и потихоньку отправлюсь следом за «туарегом». Кроссовер уныло тащится к повороту со двора и плавно выкатывается на Профсоюзную. Но при первых же pizzicato[9 - Пиццикато (от итал. «pizzicato»). Обозначает приём игры на смычковых струнных музыкальных инструментах, когда звук извлекается не смычком, а щипком струны, отчего звук становится отрывистым и более тихим. Прекращение такой игры называют арко («arco»).] (ага, я разбираюсь в музыке, потому что умею играть на скрипке… ладно: когда—то давно переспал с одной хихикавшей скрипачкой) «туарег» в один миг отрывается от меня и на невероятной скорости проходит метров триста, преодолев два, горящих желтым, светофора. «Ничего себе…» Пришлось мне срочно отрегулировать положение ветровика и догонять Самойлову. Нахожу её «туарег» уже на пересечении Киевского шоссе и МКАДа. Первый раз благословил пробку, которая навечно здесь прописалась. Аккуратно сел Самойловой на хвост и пошёл в её кильватере, отставая то на пять, то на десять машин. Стараюсь быть в «слепой» зоне Иры: не хочу, чтобы Самойлова заметила меня. Но та, словно чувствуя преследование, за два захода ловко уходит от меня в левый ряд, а оттуда перебирается в крайний правый. Красная Шапочка буквально играет в «пятнашки» на дороге. Сколько там на спидометре? Сто двадцать, сто тридцать километров в час? «Аллё, женщина, у вас что, совсем крышу снесло на почве маркетинга? Зайка—то твой куда вообще смотрит?..» Костерю ни в чем не повинного Зайку и увожу свой мотоцикл влево. Если что, буду подсекать «туарег», пока эта безумная в кого—нибудь не въехала. Но «объект» умело прячется от меня за длинной синей фурой. Причем, как я заметил, ни одного из правил дорожного движения Самойлова бы не нарушила, если б только не эта её скорость, что б её… Водит Красная Шапочка так, словно по лесу бежит, а за ней гонятся волки. В итоге, в рекордно—короткий срок «туарег» и я преодолеваем расстояние от Киевского шоссе до поворота на Рябиновую и подлетаем к «Верейской Плазе» на одном дыхании. Если бы у этой ведьмы была метла, она и на ней быстрее не долетела бы.

09:20. Доехав до бизнес-центра, Красная Шапочка сбрасывает скорость, ехидно оглядывается на меня и вытаскивает пластиковую карточку из окошка автомата. Шлагбаум поднимается, и Самойлова преспокойно сворачивает на парковку к «Верейской Плазе». Интересно, Красная Шапочка всегда так ездит, или это было показательное выступление лично для меня? Боюсь, что второе… И эта мысль мне неприятна. «Стерва, дрянь белобрысая… всё—таки меня раскусила…» Сейчас я злюсь уже по-настоящему. Не потащился за «объектом», а проехал вперед по Верейской улице. У дома номер девятнадцать свернул в маленький тёмный квадратный двор. Притормозил, выкинул «кочергу» (то есть припарковался). Снимаю шлем, вытряхиваю сигарету из пачки. Вижу бабку и маленького облезлого пуделя, которого старушка водит по двору на синей верёвочке. Ровно так, на поводке вела меня сейчас Ира. Не выдержав, зло шарахаю кулаком по стволу дерева, у которого остановился.

– Хитрая, сметливая сука, – жалуюсь бабке я.

– Да у меня мальчик, – ахает старушенция, после чего хватает в охапку пуделя и волоком тащит его в подъезд. Но мне уже не до бабки. Для начала будем честны сами с собой: Самойлову голыми руками не возьмёшь, и та простая схема «подставы» на дороге, которую я хотел применить к ней, не пройдёт. Почему? Да потому что мой «объект» не боится лихих маневров. То, как водит машину человек, на мой взгляд, прекрасно иллюстрирует его характер. Вот так – резко, остро, мгновенно – Красная Шапочка будет реагировать на оперативника, если тот только подвалит к ней с какой-нибудь историей. Ну и как тогда действовать, на чём играть, какие слабости у этой женщины? Что я видел, что я сам знаю про неё?

Докурив сигарету, щелчком отправляю бычок в сторону урны, неохотно признав в женщине соперника, равного себе (всё равно, тварь скользкая). Вытаскиваю из кармана брюк схему «лепки» «объекта» – тот самый график, который я трудолюбиво рисовал несколько часов назад. Грош цена этому графику. Выуживаю из кармана куртки желтый Cricket. Чиркнув колёсиком, поднёс к схемам жадный огонек. Сухая бумага вспыхнула. Дождавшись, когда лист почти догорит, я символично выпустил последний клочок в воздух. На мой взгляд, это было единственно правильной оценкой того, на что я потратил время. Вытаскиваю из кармана мобильный и печатаю эсэмэс:

«Доброе утро, Дядьсаша. Отработал я Ваше задание. Кстати, Вас ждёт приятный сюрприз отн. Маркетолога. Оказывается, мы тут все знакомы. Мне приехать, или по телефону всё решим?»

Отправляю сообщение Фадееву, и через три секунды получаю ответ:

«Андрей, ненавижу твои ребусы. Приезжай в офис. Встретимся сразу после того, как от меня уйдет Д.К. <Даниэль Кейд>. PS: Поешь где-нибудь. А то твоя мама мне звонила и на тебя жаловалась.»

Красноречиво закатываю глаза и еду выполнять приказ «совета двух». Всё равно от меня не отстанут, а мне надо где—то время убить. Сунул в уши затычки, рванул в «Четыре времени года». Позавтракаю, заодно и подумаю, как поймать Маркетолога…».

@

5 апреля, 2015 года, воскресенье, утром.

Центральный офис детективно-охранного предприятия

«Альфа».

Ленинский проспект, дом 5, Москва.

Россия.

В 09:50 Даниэль Кейд припарковал новенькую чёрную таргу «Chevrolet Corvette C7 Stingray» на дублёре Ленинского проспекта, открыл заднюю дверь автомобиля и выпустил на улицу Еву с Деаком.

– Ева, пойди погуляй, детка. Минут тридцать – сорок. Я скоро буду, – попросил Даниэль. Ева кивнула. Деак потёрся о ладонь хозяина мокрым холодным носом, и девочка с псом направились в маленькую аллею «дублёра». Посмотрев дочери вслед, Даниэль вытащил iPhone и набрал номер Уоррена:

– Hi Max! How are your doings? Привет, Макс. Как твои дела?

– Привет, Даниэль, спасибо. Как твои?

– Fine, thanks. Нормально. Расскажи мне, что тебе удалось узнать про Дмитрия Кузнецова, – потребовал Даниэль.

Макс говорил минут пять.

– Вот так вот, Даниэль, – заключил свое повествование Макс, – теперь ты знаешь всё.

– Спасибо, Макс. Ты, как всегда, меня выручил. Через сорок минут встречаемся внизу, у твоего дома. – Даниэль дал отбой и отправился к пешеходному переходу. Спустя пять минут Кейд уже подходил к высокому офисному зданию. Окинул взглядом охранника с рацией и назвал себя. Проверив списки, охранник прикоснулся пропуском к двери, над которой красовалась маленькая латунная вывеска. На табличке была изображена устремлённая вверх комета с символом «альфа». Клацнул автоматический замок, и Даниэль поднялся по мраморной лестнице на третий этаж, к двери с простой надписью «Альфа». В дверях его уже ожидал Александр Иванович Фадеев, хозяин агентства. Даниэль дружелюбно протянул ему руку.

– Добрый день, Александр Иванович, – по—русски сказал Даниэль.

– Добрый день, господин Кейд, – ответил Фадеев. Хозяин агентства вежливо пожал ладонь Даниэля и сделал приглашающий жест в сторону своего кабинета. Пропустив заказчика внутрь, Фадеев закрыл дверь, а Даниэль, оглядевшись, выбрал уютное кресло, где и устроился с удобством. Фадеев уселся напротив.

– С чего начнём? – спросил Даниэль, вальяжно закидывая ногу на ногу.

– What language do you prefer to speak, Mister Cade, is it English, or, may be, Arabian? На каком языке предпочитаете вести беседу, на английском или арабском? – спросил Фадеев. С его опытом работы на Ближнем Востоке Александр Иванович моментально распознал едва различимый акцент хорошо образованного жителя Александрии. И всё же меткий удар, нанесённый Фадеевым, цели не достиг: Кейд даже бровью не повёл:

– Говорите на русском. Мне так удобнее.

«Ну, что, съел?», – ехидно подумал Даниэль.

«А неплохо», – решил Александр Иванович.

– Желание гостя – закон для хозяина, – вслух сказал он. – Что вам предложить? Английский чай? А может быть, кофе?

– Спасибо, ничего не надо. Не хочу вас затруднять, к тому же я тороплюсь. Через несколько часов у меня самолёт в Лондон, поэтому давайте сразу перейдём к делу, из—за которого я здесь.

Фадеев кивнул и сложил перед собой руки в замок, на одно короткое мгновение прижав большие пальцы к кончику носа. Он внимательно смотрел на Даниэля; тот заговорил, тщательно подбирая слова – каждое слово:

– Александр Иванович, меня интересует женщина по имени Ирина Александрова. Да, это тот самый Маркетолог. Я с ней лично не знаком, но уже примерно с год являюсь искренним поклонником ее таланта и материалов, которые она публикует в социальных сетях. Некоторое время назад я даже сделал попытку предложить этой женщине контракт на продвижение своей компании. Но, к сожалению, установить с госпожой Александровой контакт по официальным каналам мне не удалось. Причин было несколько, от, скажем так, профессиональной некомпетентности тех, кто занимался её поиском – до разумной анонимности, которую я должен соблюдать, приглашая эту женщину на встречу. Взвесив всё, я пришёл к мысли, что на самом деле причина моей неудачи кроется в элементарной загруженности Маркетолога, поскольку она, как я сумел выяснить, в настоящее время работает на «НОРДСТРЭМ». Вы слышали об их коде?

Фадеев кивнул. Его взгляд стал твёрже, а губы сжались в узкую, бесцветную линию:

– Да. Как и все.

– Отлично, – беспечно кивнул Даниэль. – Соответственно, объяснение моей неудачи у нас с вами есть, но результата – у меня! – пока нет. Маркетолог на связь с моими сотрудниками не выходит. Собственно, это и есть её ответ… Получив подобный отказ от пусть и профессионала, но всё же – в моих терминах – подрядчика и наёмного работника, я мог бы успокоиться и отказаться от контакта с ней, если бы не одно «но».

– А именно? – спросил Фадеев.

«Сейчас мы и доберёмся до сути», – подумал он. И широко распахнул глаза, когда Даниэль Кейд, смущённо взъерошив волосы, произнёс:

– Боюсь, что со мной случилась самая глупая вещь, которая только может произойти в жизни взрослого мужчины: я, видите ли, увлёкся. Увлёкся женщиной по имени Ирина Александрова… Да, уважаемый Александр Иванович, это так, но не судите меня строго, – продолжил Кейд, наблюдая за реакцией Фадеева. – И посмотрите на то, что я скажу вам, с позиции своего опыта. Дело вовсе не в арабской крови, которая, как вы заметили, течёт в моих венах. И не в английском характере, где за сдержанностью могут скрываться очень сильные страсти… Я – очень прагматичный человек. Я одинок, давно работаю в России, но я живу на этом свете ещё дольше. В наше время сложно встретить достойную женщину, которая может заниматься своим бизнесом и при этом не потерять привлекательности… Короче, я хочу Ирину Александрову, и я должен её получить. Я вполне в состоянии самостоятельно организовать с ней неформальную встречу. Это можно сделать, скажем, прислав ей через соответствующих знакомых приглашение на открытие модной выставки. Или клуба. Или… – впрочем, неважно: я могу найти очень много поводов, чтобы лично представиться ей, но при той занятости, как у меня, и при наличии определённых активов и публичности, с которой я тоже вынужден мириться, мне бы не хотелось… как это по—русски? – а, вот: я бы не хотел сесть в лужу. Ну, или остаться в дураках…

«Ну, уж это—то вам, уважаемый господин Кейд, не грозит», – мрачно подумал Фадеев.

– А, простите, что вас привело к мысли о том, что Ирина Александрова не оценит ваши ухаживания по достоинству? – спросил Александр Иванович.

– Ну, у этой женщины могут быть свои тайны, – пожал плечами Даниэль. – Как и у каждого из нас. Например, Ирина Александрова может выдавать себя за кого—то другого. За кого—то, кем она не является на самом деле. Она может быть замужем. Или иметь любовника.

– И что, это может как—то охладить ваш интерес? – не удержался Фадеев.

– В силу своего воспитания я не склонен разрушать чужие связи и браки. Не знаю, насколько это понятно вам, – парировал Даниэль.

– Ясно. И что же вы хотите от моего агентства? – Фадеев не сводил цепкого взгляда с Даниэля, и на одно короткое мгновение тому стало очень не по себе:

– Я хочу, чтобы вы организовали слежку за этой женщиной. Выясните о ней всё. Я хочу знать, где она живет. С кем она общается. Её типичный распорядок дня. Её вкусы. Её пристрастия… Ничто так не характеризует человека, как дела, которыми он занимается каждый день, – сказал Кейд, и Фадеев не мог с ним не согласиться. – Меня не будет в Москве примерно три – четыре дня, – продолжал Даниэль. – За это время вы сможете собрать первичную информацию, за которую я заплачу. Мы встретимся с вами в среду – ну, или в четверг. Вы расскажете мне всё, что узнаете о Маркетологе. По итогам нашей встречи я решу, продолжать ли вам слежку дальше, или же я лично займусь Александровой.

Фадеев снова сцепил руки в замок, заглянул в непроницаемые глаза вальяжного мужчины, сидящего напротив него, и сказал:

– На мой взгляд, в ваших безупречных рассуждениях, господин Кейд, есть одно слабое место.

– Да? И какое же? – лениво осведомился тот.

– Дело в «НОРДСТРЭМ». Это довольно солидная компания с безупречной репутацией. По крайней мере, так пишут о ней в наших СМИ, которые зачастую предпочитают собирать сплетни, а не публиковать факты. Тем не менее, отсутствие скандалов и сплетен вокруг «НОРДСТРЭМ» – это результат работы её пресс—службы. Но это только одна сторона медали. Для меня солидная репутация «НОРДСТРЭМ» означает то, что у этой корпорации прекрасная служба безопасности, которая, судя по всему, очень хорошо и профессионально делает свою работу… Не секрет, что причина поражений многих игроков на рынке кроется не в слабых технологиях, а в человеческом факторе – ведь, в итоге, все мы зависим от людей, которые на нас работают… Подчинённый, имеющий доступ к тайне босса, может выдать её под давлением, из—за шантажа, по глупости, ну или просто из—за своей беспечности. В «НОРДСТРЭМ», судя по всему, такие истории целиком и полностью исключены. А это значит, что служба безопасности «НОРДСТРЭМ» очень тщательно проверяет своих сотрудников. Так неужели вы думаете, что Маркетолог не проходила проверку до того, как начала работать на «НОРДСТРЭМ»? И как могла такая фирма просмотреть белые пятна в биографии этой женщины – или все тёмные отметки на её репутации?

– Ну, тут всё зависит от того, кто руководит службой безопасности, – усмехнулся Кейд.

– Мне расскажете? – вежливо спросил Фадеев. Впрочем, сам он уже принял решение отказать Даниэлю в заключении контракта.

Но тут Кейд произнес:

– Ирину Александрову – Маркетолога – на самом деле зовут Ирина Файом. Может быть – Ирина Самойлова. А может быть, у неё есть и другая фамилия – например, Кузнецова… Я так считаю, потому что эта женщина тесно связана с вице-президентом по инновационным стратегиям «НОРДСТРЭМ», Дмитрием Кузнецовым. Они, по меньшей мере, друзья. Я знаю это со слов моей дочери, которая работает у него помощником. К тому же собеседование с моей девочкой проводили и Кузнецов, и наша Ирина Александрова. Вы, кстати, знаете, что именно Дмитрий Кузнецов руководит проектом по созданию защищенного кода «НОРДСТРЭМ»?

– Безусловно. Ну и что? Что это меняет?

– В моем случае – многое. Например, я знаю, что Дмитрий Кузнецов возглавляет службу безопасности этой фирмы.

– Что вы хотите этим сказать? – нахмурился Александр Иванович.

– Я хочу сказать, что Дмитрий Александрович Кузнецов является главой внешней разведки «НОРДСТРЭМ». И он вполне мог скрыть все тайны Маркетолога – женщины, у которой так много имен – от своего руководства, – отрезал Даниэль.

Повисла пауза. Теперь, когда все точки над «i» были поставлены, Фадеев внимательно смотрел на мужчину, сидевшего перед ним. Поза Кейда по—прежнему излучала беспечность, а его взгляд был безмятежным, и всё же хозяин агентства успел заметить, как в глазах Даниэля мелькнул отблеск очень недоброго пламени.

И Фадеев кивнул:

– Ну что ж, ваша логика мне ясна. Ваши доводы мне тоже, в общем и целом, понятны. – Помедлив, Фадеев встал и отправился к своему рабочему столу. Даниэль посмотрел на него со злорадством и любопытством. Фадеев уселся за рабочий стол и включил ноутбук. «Контракт мой», – поздравил себя Даниэль.

Между тем Фадеев открыл в компьютере локальный диск. Перешёл к электронным фолдерам, названным по делам, которые вело его агентство. Фадеев пропустил фолдер с делом «117S», законченным в этот четверг. Не остановился он и на папке «118S», которую специально завел для дела Маркетолога. Та папка, что искал Александр Иванович, была в самом конце списка. Для того, чтобы открыть её, требовался пароль – всего четыре буквы.

«МИТЯ», – ввёл Фадеев в диалоговом окне. И папка открылась.

– Ваш договор будет готов через три минуты, господин Кейд.

– Я знал, что вы мне не откажите.

@

5 апреля, 2015 года, воскресенье, утром.

Живой Журнал Андрея Исаева. Запись №2.

«09:38. Сижу на пересечении Кутузовского с Минской, в «Четырёх временах года». Доедаю свой нехитрый завтрак, допиваю кофе. Одним глазом кошусь на молоденькую официантку лет двадцати с коротким чёрным хвостиком и быстрыми, как у козы, ножками. Девчонка летает между столиками, кокетливо улыбается ранним посетителям и делает вид, что она – фея. И эта Фея мажет по мне глазами и, кажется, всерьёз готова исполнить одно моё желание. А может, и не одно… Я равнодушно перевожу взгляд за окно. Мне нет до этой Феи ровно никакого дела. Я смотрю на свободный в это время Кутузовский проспект с оттенками серого и голубого. И думаю я о том, что при желании можно переложить любую дерьмовую историю жизни в какую—нибудь славную сказку.

Одну такую «сказочку» я сейчас расскажу…

Апрель 1996 года. Мне тринадцать с половиной, я учусь в восьмом классе, в четверти мне грозит «пара» по английскому, а в перспективе – ПТУ. Под нажимом Дядьсаши (который, кстати сказать, занимался мной чаще, чем мой родной папа Сережа) я отправился на занятия к репетитору. Доехал до станции метро «Алексеевская», выбрался в город и сверился с запиской, которую Дядьсаша вручил мне. По ней я быстро нашёл старый белый двенадцатиэтажный дом, в котором не было лифта. Поднялся по крутой лестнице на пятый этаж и нажал на кнопку звонка. Раздались соловьиные трели, дверь открылась, и я увидел пожилую женщину с добрым лицом и мудрым, знающим взглядом.

– Здравствуй. Ты Андрей? – любезно спросила она меня. Голос у неё был гибким, блестящим – настоящее сопрано, которое проникает во все уголки души. Одним словом, голос мне понравился, и я очень вежливо сказал:

– Ага. А вы – учительница английского, Марина Витальевна Абрамова?

– Да. Ну, проходи, – приглашает меня женщина, – и на беспорядок внимания не обращай: мы с Аришей только неделю назад переехали.

Переступаю порог дома и оглядываюсь: точно, переезд. Коробки, ещё неразобранные вещи, бесчисленные связки с книгами. Но бардака и грязи нет, и мне это нравится.

– Не разувайся, – глядя на мои ноги, говорит женщина. – Не люблю я эту новомодную барскую привычку заставлять гостей летом туфли снимать.

– Это кроссовки, а не туфли, – невозмутимо подкалываю женщину я. Марина Витальевна окидывает меня заинтересованным взглядом и подозрительно принюхивается к запаху табака, который от меня исходит.

– Вижу, – заявляет «училка», – ладно, вытирай ноги и проходи в комнату… Ариша! – зовёт женщина ту, с кем я пока не знаком, – Ариша, выйди к нам!.. Ариша – это моя внучка, – поясняет Марина Витальевна и исчезает в недрах кухни. – Вы с Аришей поболтайте пока, а я чай поставлю. С пирожками. Андрюша, ты сладкие пирожки будешь?

– Меня Андрей зовут. И – да, спасибо большое, – не в силах преодолеть вбитые мне мамой правила хорошего тона, отвечаю я.

– Андрей, а чай сладкий? Ты будешь сладкий чай? – доносится до меня голос Марины Витальевны. На языке у меня закрутился ответ, смысл которого сводится к тому, что сладкое не только липко, но и вредно (следующим будет вопрос «а где у вас тут покурят?»). Я открываю рот – и застываю, потому что передо мной появляется самое прекрасное создание на свете.

Стою столбом и не верю собственным глазам. Девочка была чудесной. Идеальная, семнадцати лет, гибкая и стройная, ростом чуть ниже меня. Светлые волосы по пояс и загорелые ноги нереальной длины. А ещё – очень странные, мерцающие глаза, которые я пока не могу рассмотреть, потому что девочка повернулась к окну спиной. Но мне кажется, что солнце через кружево тюли целует её. Довершают вид девочки шорты и какой—то модный, в тон вельветовым шортам, свитер. Девочка ставит ступню одной босой ножки на ступню другой и сморит на меня с любопытством. Потом поднимает вверх руки и одним неуловимым движением ловко превращает копну своих белых

волос в хвост, а заодно показывает мне загорелую впадину живота. Держа одной рукой волосы, другой девочка достает из кармана круглую, до нелепого огромную, ярко—красную пуговицу, с остроумно пропущенной в её дырки чёрной аптекарской резинкой, и скрепляет свой хвост на макушке. Мое сердце даёт два глухих удара, я шепчу: «Красная Шапочка…» и улетаю в сказку…

Прошло столько лет, но я до сих пор помню нежное, тронутое природным загаром лицо, и то, во что эта девочка была одета и как выглядела эта её дурацкая пуговица. А ещё я с лёгкостью могу представить себе золотистую впадину её живота и бесконечные ноги. Кстати сказать, реакция у меня на эти части женского тела до сих пор та же…

А тогда я уставился на Красную Шапочку и хрипло сказал ей:

– Э—э.. привет.

– Ага, и тебе хэллоу, – беспечно и насмешливо отвечает мне девочка. Боже, какой у неё голос: чуть хриплый, а диапазон такой, что блюз можно петь. Или – шептать признания. Лучше всего в этом голосе звучат ноты второй октавы, где верхние тоны легко поддаются изменению силы звука, и… так, ладно: да, у меня абсолютный слух. И – да, я в детстве играл на скрипке. И – да, спасибо за это всё моей маме Свете!

– Ты кто? – чуть свысока спрашивает меня девочка.

– Я? – «Придурок, зачем я её переспрашиваю?»

– Нет, я, – тут же воспользовалась моим промахом вредная Красная Шапочка.

«Ну, всё понятно: передо мной – привыкшая к поклонению звезда.»

– Я – Андрей, – говорю «звезде» я взрослым независимым голосом.

– А «сладкий», прости, это твоя фамилия? – преувеличенно—вежливо осведомляется она.

– Нет, детка, сладкий – это моё призвание. Тебе показать? – На лице у меня невинно—невозмутимое выражение, с которым я и вываливаю свой вопрос. Девочка прямо отпала.

«Ну что, съела? Ага, я и сам звезда. Это я только с виду пай—мальчик. Ты лучше у старой карги директрисы спроси, зачем она мою мать вызвала. Из—за английского и ботаники, что ли? Как бы ни так, это я её племяннику навалял за то, что он юбки задирал старшим школьницам. Мой гарем, не его!..» Вру: просто мне девчонки тогда пожаловались…

Красная Шапочка изумлённо распахивает глаза, хлопает ресницами. Потом на её губах расцветает улыбка, и девочка начинает смеяться. Вместе с ней начинаю веселиться и я, постепенно оттаивая.

– А, так ты, наверное, еще один ученик моей бабушки… Мне дядя Саша что—то такое про тебя говорил, – и Красная Шапочка небрежно щёлкает пальцами. Я немедленно убираю улыбку с лица, но молчу: я и в детстве был терпеливым и всегда предпочитал оставлять за собой только последнее слово.

– Чего молчишь—то, Андрей? Стесняешься, что ли? – продолжает дразниться Шапочка и складывает тоненькие ручки на пухлой груди.

– А ты у нас ничего не стесняешься? Может, и мне дашь урок по преодолению комплексов? – Тут я откровенно прищуриваюсь и совершенно по—хамски оглядываю девочку с головы до ног. (Нет, у меня ещё не было тогда определённого опыта, зато были друзья – настоящие оторвы). Щёки у Красной Шапочки заалели, а глаза заметались. Потом девочка прикусила губу, а мне стало её жалко.

– Ладно, прости, – неохотно каюсь я.

– Так—так, – ледяным тоном процедила Шапочка, – значит, «прости», да?.. Ну ладно, мальчик. Будем считать, что ты выиграл… на первый раз. Бабуля! – кричит девочка и сбегает от меня на кухню. – Бабуля, я пойду гулять.

– А с кем? – резонирует из кухни Марина Витальевна, отчаянно гремя тарелками. Я морщусь. Да, я хочу пить и есть, но грохот посуды раздражает: к тому же, он может заглушить то, что ответит сейчас бабушке Красная Шапочка. А мне

безумно интересно, с кем эта девочка намылилась и куда.

– С Колей и с Денисом. И с Мишей Иванченко. И Митя тоже будет. Ему папа мотоцикл купил, Митя о таком три года мечтал. А потом мы с Митей в Серебряный Бор поедем. Вместе, вдвоём… Дай нам с Митей что-нибудь вкусненькое.

«Ну, всё ясно: Красная Шапочка ненавязчиво показывает мне, кто она и кто я, и где моё место под солнцем. Но в открытую связываться со мной ей уже не улыбается.»

– Ладно, Ариша, только умоляю, возвращайся не поздно. Желаю вам с Митей хорошо провести время, – говорит Марина Витальевна.

– Ага. Ну, я пошла, – беспечно отвечает внучка и суёт нос в комнату, где, напрягая слух и разглядывая стены, с фальшиво—скучающим видом стою я.

– Ну, пока… Серый Волк Андрей, – веско говорит девочка и вдруг склоняет голову к плечу и улыбается мне. И этот жест, и эта улыбка настолько пленительны, что я замираю. Я ничего не могу поделать с собой, и я тоже ей улыбаюсь – в первый раз, искренне и открыто. Теперь ни с того, ни с сего замирает Красная Шапочка. Она смотрит на меня так, как будто я – феномен. Точно я один такой на свете. Не сказав мне больше ни слова, Красная Шапочка вздрагивает, бледнеет, опускает ресницы и медленно уходит. Зато теперь столбом стою я, в первый раз увидев её нереальные, ошеломительные глаза ярко—синего цвета…

Вот так я и влюбился в неё. Нет, мне совсем не хотелось взять Красную Шапочку за руку и под детские песни Шаинского уйти вместе с ней в закат. Я действительно, совершенно по—взрослому в неё влюбился. Я захотел её – всю, сразу и до конца. Я ею бредил. Я восхищался ею. Я убил бы любого, кто посмел бы обидеть её или сказать мне, что она любви не достойна. Я целый месяц жил в каком—то дыму, в вечном предвкушении встречи. Я видел Красную Шапочку перед собой днём и грезил о ней ночью. Она снилась мне. Она была первой, о ком я вспоминал, как только открывал глаза, просыпаясь. Мой мир сузился до одного взгляда её синих глаза.

И я начал мотаться на уроки английского языка, только чтобы её видеть. Я потчевался омерзительно—сладким чаем с опостылевшим мне на всю жизнь сладкими пирожками. Я делал все уроки, я зубрил огромные словари, я достал английским и мать, и сестру, и Дядьсашу. Это был настоящий подвиг: я ни разу не отказался на «Алексеевской» от процесса поглощения сладкой гадости и ни разу не опоздал, лишь бы бабушка Красной Шапочки меня не выгнала.

В июне я сдался окончательно и притащил в дом Марины Витальевны сменную обувь. Первое, что сказала Красная Шапочка, когда увидела мои кеды, это:

– Ой, какие беленькие… Боже мой, я сейчас прямо расплачусь от умиления. Ты, Серый Волк, ещё весь свой гардероб сюда перетащи. – Поджав клубничные губки, Ира злорадно посмотрела на меня. Недолго думая, этой-то сменной кедой я и влепил ей по заду. Красная Шапочка ойкнула, подпрыгнула и ухватилась за поражённое место.

– Если там больно, то я могу там поцеловать, – ухмыльнулся я. Красная Шапочка замерла, а потом разразилась буря.

– Я тебя убью, Серый Волк! – Ира была в бешенстве.

– Валяй, – бодро разрешил я. Ира попыталась отвесить мне подзатыльник, но я от неё увернулся. – Руку себе не вывихни, – засмеялся я. Красная Шапка надулась, смерила меня злым взглядом, поправила на голове свою дурацкую пуговицу и ушла гулять. Через час, нагулявшись, вернулась. Холодное лицо и решительный вид Снежной Королевы.

– Пойдём—ка, Андрей, я тебя до выхода провожу, – холодно заявила мне Ира, едва лишь мы закончили занятия с Мариной Витальевной.

– Ну, пойдём, – невинно киваю я. – Только потом я провожу тебя. Можно взять тебя под ручку?

И я услышал смешок. Поворачиваюсь и вижу, как Марина Витальевна прячет в мудрых глазах знающую улыбку. Внучка неодобрительно покосилась на бабушку и снова потребовала:

– Пойдем, Андрей.

– Ну, пойдём, пойдём, Красная Шапочка… – Я фальшиво вздохнул, весело попрощался с Мариной Витальевной и потопал следом за Ирой. Моя любовь завела меня в тёмную прихожую и прикрыла дверь в комнату, отгораживая нас от глаз и ушей доброй бабушки, явно взявшей мою сторону.

– Вот что: я тебе кто, а, милый мальчик? Между прочим, мне уже семнадцать лет, и у меня есть взрослый парень! – Ира заявила это таким тоном, точно это уже не лечится.

– Ну и что? Может, и у меня взрослая девушка есть, – на голубом глазу выдал я. Глаза Шапки стали растерянными.

– Ладно, тогда давай так, Андрей, – подумав, сказала она. – Я тебя не трогаю, но и ты ко мне больше не лезешь. Или я своему Мите пожалуюсь. Идёт?

«Нет, даже не ползёт, потому что у меня на уме кое—что другое.»

– Красная Шапочка, а давай так: я перед тобой извинюсь, а ты меня за это целуешь. Один раз, а? – предлагаю я. Ира ошарашенно воззрилась на меня и похлопала ресницами. Но отгонять меня ресницами – это как бурю веером пугать.

– Ты что, от английского совсем сбрендил? – в конце концов нашлась Ира.

– Красная Шапочка, пожалуйста, ну извини меня… я больше так не буду. Пожа—а—алуйста, ну всего один поцелуй. – Я глядел на неё так преданно, точно щенок, просящий, чтоб его погладили. Красная Шапочка помялась, потом попыталась смерить меня синим колючим взглядом, но вместо этого не выдержала и улыбнулась. Покачала головой:

– Шут гороховый ты… Малолетний придурок.

– Один поцелуй, и я отвалю от тебя, – подыгрываю я.

– Ладно, на, подавись. – Красная Шапочка наклонилась чмокнуть меня в щёку, а я повернулся, и её мягкие губы угодили прямо в мои. Ира замерла растерянно. Пользуясь этим, я потянул её за плечи к себе и заставил принять меня. Через минуту я отпустил её и увидел трепещущие ресницы и четыре маленьких родинки-точки над её левым надбровьем. Они были как навершие креста, и я очень осторожно погладил их. Услышал её короткий, судорожный вздох. Это было желание. И вот тогда я уже в открытую, на таясь, поцеловал её. Поцеловал, как хотел, как умел, как меня научили. Я всё еще держал ладонью её запрокинутый затылок, когда Ира хрипло втянула воздух в лёгкие, медленно открыла глаза, пошатнулась – и меня встретил её взгляд, полный смущения и нежности… Вот тогда—то я всё про неё и понял.

– Это что, твой первый настоящий поцелуй? – поразился я, вдыхая её запах. Он был лёгкий, неповторимый – так пахнет весенний сад после дождя. Так пахнет белый цветок тиаре. Услышав мой вопрос, Ира вспыхнула, но осталась покорно стоять в моих руках.

– Красная Шапочка, а ведь ты в меня влюбилась, – совершенно бессердечно брякнул я и понял, что совершил чудовищную ошибку. Ира содрогнулась, отстранилась от меня и брезгливо скинула мои пальцы со своей пухленькой груди. – Ну или скоро влюбишься. Как все, – самоуверенно кивнул я и сунул поглубже в карманы ладони, горящие огнём. Красная Шапочка окинула меня своим знаменитым взором. Прикусила распухшие губы так, что те стали белее снега, и очень тихо спросила:

– Скажи—ка мне, Серый Волк Андрей, а тебе девочки когда-нибудь отказывали? Бросали тебя хотя бы раз?

Я подумал и честно ответил:

– Нет.

– В таком случае, я, Серый Волк, буду у тебя такой первой… Не смей никогда больше ко мне подходить! – Ира гордо расправила плечи и ушла от меня в комнату. А я? А я был абсолютно счастлив. Насвистывая, я весело отправился домой, думая о том, что её первый поцелуй – мой.

Длилось моё счастье ровно до той минуты, пока я снова не явился на «Алексеевскую». Иры дома не было. То же произошло и на следующий раз. И я понял: она меня избегает. Но я не смирился. Постепенно выведал у Марины Витальевны, что фамилия Иры – Самойлова, хотя по отцу она Файом, и что Ира – самая яркая звезда на «Алексеевской». И что её компанией верховодит некий Митя, с которым Ира ходит в одну школу где—то в районе «Рижской». Ещё я узнал, что Красная Шапочка планирует поступать не то в Институт иностранных языков, не то в МГУ, на факультет журналистики, но вместо занятий она вечно болтается с этим своим Митей. И вообще, Ира «для Мити прямо всё», и они «как Ромео и Джульетта».

Нечего сказать, порадовала меня тогда Марина Витальевна этой сногсшибательной информацией. Я себя сразу «Титаником» почувствовал. Но вместо того, чтобы пойти на дно, решил побороться за Иру. Для начала договорился с Мариной Витальевной о плавающем графике своего прихода. Потом разузнал те места, где бывала Ира. Вот так, периодически подлавливая Самойлову то в дверях, то во дворе, то у кафе, я чуть ли ни на коленях вымаливал у неё прощение. Извинялся раз триста. Ходил за ней по пятам. Ира была старше меня на четыре года, но я не сдавался: бросил терзать её своими подколками. Охапками таскал ей цветы, конфеты, ещё какие—то подарки, которые Ира, сморщив носик, тут же выбрасывала. Чем снисходительнее был я, тем омерзительней вела себя Красная Шапочка. Невинная Ира никак не могла мне простить, что я раскрыл её тайну. Во всём остальном она была круче меня и не стеснялась демонстрировать это мне при каждом удобном случае. И все же я видел, я чувствовал – вопреки всему её тоже ко мне тянет. От этого—то она и бесилась… Наверное, если бы история моей первой любви и нашего поцелуя закончилась именно на этом месте, то я бы вспоминал Иру так, как вспоминают своё детство – с лёгкой ностальгией, но без особой грусти. Но наверху был Тот, Кто решил всё за нас.

В самом конце августа, я, выучив по заданию Марины Витальевны стишок про Красную Шапочку, ехал к ней на занятия. Но размышлял я не об английском, а о том, что надо бы перехватить Королеву моего сердца и вернуть ей книгу «The Cathcher in the Rye»[10 - Роман «Над пропастью во ржи» Джерома Сэлинджера (в оригинальном переводе название романа – «Ловец на хлебном поле»).], а ещё исхитрится и пригласить её на один ужасно крутой «боевик», который шёл в «Ударнике». Занятый мыслями о своей Красной Шапочке, я шагнул из прохлады аллеи в пекло залитого солнцем периметра двора, и тут моё

сердце дало два глухих удара. Покрутив головой, я увидел, что перед подъездом Иры стоит новенький мотоцикл «Ява», а на седле в ультракороткой юбке, бочком ко мне, восседает моя Королева. Затаившись, как волчонок, я разглядывал её и светловолосого парня, который вальяжно стоял рядом с ней. Они смеялись и о чём-то увлечённо беседовали. Потом Ира улыбнулась и протянула парню свою пуговицу, а тот ловко, сноровисто, действуя явно с привычкой, затянул её волосы в хвост. Приспособив дурацкую пуговицу у нее на макушке, парень ухмыльнулся и по—хозяйски притянул Иру к себе. А она его поцеловала… Меня как кто ледяной водой окатил: поцелуй был настоящим. Так учил её целоваться я. А теперь она целовалась с другим, на моих глазах, безжалостно меня убивая… Закончив с прелюдией, Ира спрыгнула с седла и виноградной лозой обвилась вокруг парня.

– Зайка, да ты что? – задыхаясь, спросил тот, опуская жадную ладонь на оголившееся бедро Самойловой.

– Ничего, Митя… просто давно хотела это сделать, – прощебетала Ира и самолюбиво покосилась на кусты, за которыми стоял я. И я понял: она меня поджидала.

Недолго думая, я шагнул к ним. Ира не сводила с меня презрительных, насмешливых и немного напуганных глаз. А Митя (ага, тот самый Зайка, будущий большой начальник из «НОРДСТРЭМ») переводил непонимающий взгляд то на неё, то на меня.

– Молодец, Красная Шапочка, – подойдя к ним вплотную, прошипел я.

– Ир, это ещё кто? – опешил будущий Зайка.

– А это ученик моей бабушки. Один удивительно нахальный Серый Волк, – «представила» меня Ира.

– А…. – с весёлой улыбкой протянул Митя, оглядывая меня с высоты своего роста, – так это и есть тот самый забавный малыш, про которого ты мне рассказывала?

Не сводя с меня прищуренных глаз, Самойлова медленно кивнула. А мне захотелось сделать разом несколько вещей: схватить Самойлову, волоком

затащить её в подъезд и устроить её взбучку. Зарядить Мите в зубы, чтобы ему нечем было на меня скалиться. Но вместо этого я открыл сумку, вытащил из неё книжку Красной Шапочки и припечатал книгу ладонью к седлу Митиного мотоцикла. Потом извлёк на свет божий два билета в «Ударник». Их я просто смял в кулаке и отшвырнул в урну.

– Марине Витальевне скажешь, я больше не приду. Учебники и деньги за занятия передам через Дядьсашу. Всё поняла?

– Я.. – начала Самойлова, изгибая бровь.

– Свободна. – Я развернулся и зашагал обратно к метро, чувствуя спиной их взгляды…

Не важно, как в тот день я добрался домой. Важно другое: я больше никогда не вернулся к прекрасной учительнице, имя которой я даже не вспомнил, прочитав досье Интерпола. А ведь Марина Витальевна такого не заслужила. И я до конца жизни буду обязан ей за то, что она вложила в меня время и душу и заботливо подкармливала меня, вечно голодного мальчишку.

После того, как я поставил на занятиях с Мариной Витальевной большой крест, я ещё дважды получал звонки от Самойловой. Но оба раза к телефону не подходил.

– Ничего, пусть подёргается, – злорадно думал я, – пусть посидит. Глядишь, к ноябрю всё устроится.

Потом мой так некстати вернувшийся из командировки отец решил вмешаться в это дело. Сначала он дал нагоняй «совету двух», потом взялся за меня.

– Андрей, скажи мне честно, – начал отец, заводя меня в свой кабинет и прислоняясь спиной к двери, – почему ты отказался от занятий с Мариной Витальевной?

– Потому что с сентября у нас в школе уроков прибавилось.

– Понятно… а ещё скажи, мне тут дядя Саша говорил, что у тебя получается дружить с этой девочкой, Ирой. Это что, правда?

– Папа, – беспечно улыбнулся я, – я не знаю, что там рассказывал тебе Дядьсаша, но «с этой девочкой Ирой» мы не общаемся.

– Почему?

– Потому что с «этой девочкой Ирой» у нас лучше всего получается только одно: наши с ней перебранки.

– Да? Ну, ладно… ну, хорошо. Ну, тогда иди, – ответил отец, выпуская меня из кабинета. Он так никогда и не узнал, что я соврал ему тогда – соврал в первый раз жизни…

5 ноября 1996 года мы встретились с Ирой ещё раз. Я как раз ехал на «Алексеевскую», собираясь подловить укрощённую мной Красную Шапочку и пригласить её на свой день рождения. В полупустой вагон метро входили пассажиры. Кто—то выходил из вагона, кто—то садился рядом со мной, кто-то вставал напротив. На «Рижской» моё сердце дало два глухих удара, и я, покрутив головой, нашёл взглядом Иру. Вернее, нашел не её, а — их, потому что Самойлова вошла в вагон вместе с Зайкой. Рука Мити по-хозяйски лежала у неё на талии. Моё сердце забилось. Между тем Кузнецов наклонился к Ире и что-то прошептал ей на ухо. Самойлова смутилась и всё же кивнула ему. Митя самоуверенно улыбнулся и очень по-свойски отвёл прядь её волос от лица, точно Ира ему принадлежала. Такой злости я не испытывал никогда. И я направился к ним, чтобы раз и навсегда разобраться с Кузнецовым на свой лад. Шаг – и мои глаза встретились с глазами Самойловой. И я с ослепительной ясностью понял, осознал: той Иры, что знал я, больше нету. Она не ждала меня. Она действительно ему принадлежала. И это я, а не он, был третьим лишним с самого начала… Я ничего не сказал. Просто вышел из вагона.

В тот вечер я впервые надрался до невменяемого состояния и угодил в детскую комнату милиции. Спасибо, мне с инспектором повезло: сообразив, в чём моя «трагедия», добрая женщина сорока лет вызвала мою маму и пообещала не сообщать о моих «заслугах» ни в школу, ни в спортивную секцию. Мы сидели

с инспектором, ожидая, когда «совет двух» заберёт меня, а женщина, вытирая мои пьяные сопли, как могла, меня утешала:

– Ну, Андрей, ну ты что… Ну да, твоя Ира взрослая… Ну да, вполне естественно, что у неё… э—э, первый роман с её ровесником… Но ты – ты же такой обаятельный, такой хороший. Ну, посмотри на себя… Такие ресницы длинные… Такие глазки серые… Вот и выбери себе ровесницу – девочку, которой ты нравишься. Поухаживай за ней. Потом вы закончите школу, и только тогда вы…

Ага! – знала бы инспектор, как я воспользуюсь её советом.

Пережив утром следующего дня зубодробительную лекцию от «совета двух» (папа Серёжа, как всегда, успел слинять в командировку), я отправился в школу и на первой же перемене подошёл к одной из старших школьниц – большой любительнице целоваться со мной.

– Пойдёшь со мной на день рождения? – с ходу спросил я.

– Ой, да… С тобой – да. А это чей день рождения?

– Мой.

– Ой, а где это будет?

– В квартире у Ботаса. У него родители на три дня в Финляндию укатили.

– Ой, прелесть, какая… Ой, а что тебе подарить?

– Не переживай, – хмыкнул я, – у тебя уже есть для меня подарок…

Вот так я и переспал с женщиной в первый раз. Утром, когда я натягивал джинсы, она потянулась на диване и, откровенно разглядывая меня, удовлетворённо вздохнула:

– Знаешь, Исаев, ты всё—таки клёвый.

– Ага, ты тоже ничего, – ответил я. «Так, где моя футболка?»

– Андрей, а ты помнишь, как меня зовут?

– Свиридова, а ты что, за ночь напрочь забыла свою фамилию? – «Интересно, а кроссовки мои где?»

– Очень смешно, – буркнула она. – А – имя? Андрей, как моё имя?

– А это мне без разницы. – «А носки где мои?». Присев к ней на диванчик, я начал натягивал левый носок: – Слушай, Свиридова, а с чего ты так ко мне прикопалась?

– Да потому что меня зовут Кристиной, Андрей. А ты в тот самый момент, ну… в общем, ты называл меня «Ирой»…

К чести Кристины, расстались мы с ней очень даже по-дружески. Весной она закончила школу, потом выскочила замуж и укатила во Францию уже как Кристин Лорэн. А я два последующих года потратил на то, чтобы выкинуть из головы Самойлову. Но я не мог: я каждый день думал о ней. Сначала я проклинал её. Потом мысленно обращался к ней в минуты слабости, в часы побед, в мгновения поражений. В моменты уединения все мои мысли были только о ней. Эти мысли приходили ко мне, как израненные солдаты. Идущие с поля боя, кровоточащие – они всё равно шли ко мне. И я ничего не мог с этим поделать… Именно с Самойловой я хотел познакомить своего отца. Именно Ира была той самой Белой королевой, которую я сжимал в пальцах, когда прощался с отцом. Это на неё я смотрел в тот вечер, когда потерял своего отца и просил мысленно: «Пожалуйста, вернись ко мне. Ты мне нужна. И я знаю, что я тебе нужен».

Моё желание «исполнилось» 14 сентября 1999 года. В тот день – три дня спустя с момента извещения о смерти папы – я ехал в МГИМО. Мне было почти семнадцать. День только начинался, и зелёные вагоны метро ещё совсем пустовали. Я стоял, прислонившись к глянцево-серебряному поручню, смотрел в заляпанное миллионами пальцев стекло и думал, что я должен выжить, потому что у меня всё ещё есть Ира. Я вышел на станции «Юго-Западная» и почувствовал в груди два знакомых глухих удара. Замедлив шаги, я повертел

головой и тут же выделил в серой массе людей серебряное сияние длинных белых волос. Синяя куртка, голубые джинсы, белые кроссовки – Самойлова стояла у входа в парк и явно кого—то высматривала. Она была прекрасней, чем я помнил её.

– Ира, – не веря своему счастью, произнёс я и шагнул к ней, – ты не меня ждёшь?

Услышав мой голос, Самойлова развернулась ко мне, и наши глаза встретились. И я понял: Ира была здесь не потому, что я был ей нужен. Она каким—то образом узнала о том, что случилось с моим отцом, и прилетела спасать меня. Но самое ужасное заключалось в том, что она смотрела на меня так, как смотрела моя мама, когда хотела защитить от беды меня, своего маленького мальчика, и укатать в объятиях, на груди, пряча от всех несчастий.

Так меня ещё никто не унижал. Я замер и стиснул челюсти. В моём сюжете с Самойловой было всё, кроме одного: я никогда не был её маленьким мальчиком, потому что сколько бы мне не было лет, какой бы не была между нами разница в возрасте и положении – Самойлова всегда оставалась для меня только моей женщиной. А я мог быть для неё только её мужчиной. На моём языке завертелась пара подходящих к случаю фраз. Но я предпочел развернуться и направиться обратно, в сторону метро.

– Андрей, подожди! – донёсся до меня яростный вопль Иры.

Но я не обернулся. Толкнул стеклянную дверь, сошёл по лестнице вниз, доехал до «Университета» и вышел в город. Оттуда я отправился пешком на смотровую площадку. Встал у тогда еще белого бетонного ограждения и положил на него локти. Опустил подбородок в ладони и долго смотрел на золотистую осеннюю Москву, раскинувшуюся передо мной полукругом. Мой любимый город выглядел, как игрушечный городок в сказочной табакерке. Я снял с бетонного перила красный кленовый лист с тёмно—зелёными прожилками и отпустил его падать вниз. А лист полетел вверх, к небу. Я проводил лист глазами, оторвался от поручня и медленно пошёл вниз по улице Косыгина. Загребая ногами сухую жёлтую листву и рассматривая прохожих, я понял: если ты наизусть выучишь воспоминания о женщине, которую ты любил – ты её никогда не забудешь.

И я дал себе слово забыть её. Но сначала я должен был расквитаться с Дядьсашей. За то, что он отправил Самойлову ко мне в МГИМО (ага, а как ещё она там оказалась?), я свалил из института в армию. Там, в танковых войсках под Тулой, было вполне так ничего, я даже картошку научился чистить. Но Дядьсаша исхитрился найти меня, вернуть в Москву и водворить обратно в ВУЗ. Правда, с тех самых пор в мою личную жизнь он больше не вмешивается. Что до Самойловой, то я перестал ходить в МГИМО через парк и завёл себе пару подружек. В гомоне их дружных голосов я забыл её хриплый голос (включая, кстати, и эту её отвратительную манеру цедить слова, которая так меня доводила). Потом я сменил подружку-блондинку на подружку-шатенку и выкинул из памяти нежные очертания поцелованного солнцем лица и белые волосы. Последним воспоминанием, с которым я должен был попрощаться и которое я никак и ничем не мог заменить, был аромат тиаре. Этот запах немного похож на аромат парфюма «Burberry The Beat», которым пользуется Наташа. Но если Терентьевой, темноволосой и кареглазой шатенки, этот запах не идёт (на её коже он кажется чересчур приторным), то аромат Самойловой всегда был для меня таким же свежим и чистым, каким бывает звук настоящего хрусталя, если ударить по нему длинной серебряной спицей. Я так и не смог забыть этот аромат. Я помнил этот запах в ту ночь, когда был вместе с Таней Кэрри. И в то утро, когда нашёл её дочь…

В июне 2009 года, едва только затянулся мой шрам, я вышел из Первой Градской больницы. Я никого не хотел видеть, кроме той, что почудилась мне в день смерти дочери Тани. И первое место, куда я отправился из больницы, был старый, двенадцатиэтажный дом рядом с станцией метро «Алексеевская». Выйдя из «подземки», я зашагал к белой «высотке», где когда-то жила моя Ира. Но шёл я не к ней, а – за ней. Я должен был вернуть её. Она была отчаянно нужна мне. Я всё ещё любил её… Перейдя через улицу, я углубился в тенистый двор. Нашёл старый дом, поднялся на пятый этаж без лифта. Нажал на кнопку дверного звонка. Услышал соловьиные трели. Дверь открылась, и мне в лицо тошнотворно пахнуло котлетами, а передо мной возникла какая-то непромытая баба в огромном махровом халате.

– Вам кого? – спросило меня махровое чудовище.

– Здравствуйте. Мне – Иру Самойлову. Но здесь, видимо, таких нет. Не знаете, где она? – Я забрасывал это бесполое существо словами и вопросами, чтобы быстро выдавить из неё всю нужную мне информацию.

– Ой, так Ирка мне продала эту хату. Мы ж с Иркой почти ровесницы. Правда, я на два года её моложе, – кокетливо пропел «махровый халат». Поглядев на халат, я хмыкнул. Между тем это убожество в бигудях, которое вывезли из деревни, но не вывели деревню из неё, продолжало щебетать: – Я, как вышла замуж, так мы с мужем хату Ирки и купили… Мы ж с Иркой соседствовали, когда Ирка с бабкой еще на Куусинена жили… А потом Ирка настояла сюда из центра переехать. У Витальевны—то, – шаг ко мне и мощный запах котлет, который чуть не свалил меня с ног, – ну, у бабки—то после смерти отца Ирки с сердцем были нелады… И Ирка уговорила бабку продать квартиру в центре, чтобы было на что лекарства покупать. А как сюда переехали, так Ирке её ухажер стал помогать. Этот её, Митя… а потом бабка—то, в смысле Марина Витальевна—то, померла, и Ирка не захотела тут оставаться, и…

– Так. Стоп. Где конкретно сейчас живёт Ира Самойлова? – Меня дико раздражало, что этот кошмар в бигудях называет Самойлову «Иркой».

– Ирка-то? Так она у этого своего, у Мити… Они уже давно вместе живут. К свадьбе сейчас готовятся. Ирка… то есть Ира, – поправилось чучело, увидев мой бешеный взгляд, – обещала позвать меня на свадьбу. Ох, и счастливый брак будет, – завистливый вздох. – Митя-то очень пошёл в гору. Но и Ира не задается… Она мне даже свой новый номер телефона оставила. Хотите, вам дам?

– Нет, не хочу. – Я развернулся и направился к лестнице.

– А вы кто? Кто приходил-то? Что передать-то?

Я ничего не сказал – просто ушёл. Я никогда не трогал ничьих жён. Исключением была только Таня Кэрри. Но с Таней с самого начала был обман, а здесь – нет. Больше я не искал Иру…

Вот так и началась моя новая жизнь. Уложив все призраки, надежды и несбыточные мечты в одну братскую могилу, я, чтобы каждый день не вспоминать своего изувеченного ребенка, отправил резюме в Интерпол. А пока мои данные проверялись, купил билет и улетел в Прагу, где через три дня встретил Наташу Терентьеву. Наташа осталась со мной. Она говорит, что

любит меня. Возможно, и сейчас ещё любит. А что касается Самойловой – то это я, отшвырнув все воспоминания о ней, не смог её сразу вспомнить. Зато теперь я вспомнил всё. И теперь мне остаётся, как в том самом фильме[11 - Имеется в виду фильм-ремейк «Вспомнить всё» 2012 года.], сыграть грустную, хватающую за сердце мелодию, печально посмотреть Ире в глаза и сказать: «Прости, но в будущем нас уже нету»… Ну, а если без шуток, то Самойлова всегда была девушкой с характером. Я тоже вырос в засранца, каких поискать. И всё, чего я теперь хочу, так это уничтожить Симбада, навсегда распрощаться с прошлым и остаться жить в мире, где нет ни Серого Волка, ни его Красной Шапочки. И я искренне благодарен Самойловой за то, что она не узнала меня в прошлый четверг, в этом чёртовом Лондоне.

– … кофе? – слышу я звонкий голос. – Ещё кофе, молодой человек?

Поднимаю глаза и вижу перед собой вздернутый нос с веснушками и лукавые чёрные глаза. Передо мной переминается с ноги на ногу Фея-официантка.

– Счёт, пожалуйста. Впрочем, нет, я тороплюсь, – быстро вытаскиваю сотенные из кармана.

– Не надо, – тихо протестует Фея.

– В смысле? – удивился я. Даже брови поднял. Официантка с заговорщицким видом кладет мне на стол папку. Предчувствуя неладное, подозрительно открываю кожаные «корочки» и вижу, что там красуется согнутая пополам салфетка с логотипом «Четырёх времён года» и надписью: «Позвоните мне. Мой телефон: 8—903—103—00—42. Меня зовут Надя».

– Идейно, солнышко. Ценю, – откашлявшись, произношу я, хотя мне очень хочется прямо сейчас поржать в голос. Но я уже включился в эту дурацкую игру. Торжественно прячу в карман салфетку и кладу в папку Феи две «пятихатки». Одну – хозяину заведения за мой завтрак. Другую – лично Наде за проявленный ею героизм. Надя продолжает стоять и с надеждой на меня пялиться. А я выхожу из кафе. Моментально стираю улыбку с лица. Сую руку в карман, комкаю там салфетку и выбрасываю этот комок в урну. Мне ничего и ни от кого не нужно. Женщин я давно выбираю себе сам, и «я делаю в постели только то, что могу выговорить», если процитировать незабвенного Митча Марри, коллегу Зигмунда Фрейда. С учётом того, что ночи у нас длинные, а разговоры

в кровати – это давно набивший мне оскомину вынос мозга, то весь мой пред – и посторгазмический словарь уже шесть лет как сводится к трём универсальным словосочетаниям: «Привет, солнышко», «диктуй, я запомню» и «всё, давай, увидимся».

В общем и целом, это выглядит так:

– Привет, солнышко, – всегда говорю я.

– Привет, – всегда отвечает мне она с восхищением, удивлением, кокетством, испугом, задумчивостью и прочими ужимками, которые подбирает под себя каждая женщина, исходя из фантазии, возможностей, опыта и конкретного случая. После чего за пять, максимум за десять минут я вытаскиваю на божий свет из тёмной женской души всю необходимую мне информацию. Мне нужно получить ответы на четыре моих «если». Итак, если девушка не опрокинула на себя бабушкин сундук и не выглядит, как чебурашка, если она не замужем, если она не против случайных связей, и – самое главное – если тараканы в её голове не устраивают ежесекундный праздник, то мне этого вполне достаточно. Мы отправляемся в гостиничный номер или же едем к ней (второй вариант всегда предпочтительней – так проще прощаться). Дальше начинается сам процесс.

– Ты перезвонишь мне? – потом всегда спрашивает она. – Мне записать тебе номер?

– Диктуй, я запомню, – всегда отвечаю я, и она старательно, по нескольку раз, произносит все цифры. Мы одеваемся, чтобы вместе уйти. Или же одевается одна она, чтобы покинуть мой номер. Или же одеваюсь один я, чтобы свалить от неё.

– Всё, давай, увидимся, – на прощание говорю я, сажая её в такси или захлопывая двери. Надо ли говорить, что я никому ни разу не перезвонил?
И дело тут не в Терентьевой. Все мы играем: в привязанность, в чувства, любовь. Но что такое любовь – я, если честно, не знаю. У Энн Перри я как-то прочитал, что это – увлечение определённым типом лица, голосом, телосложением. Цветом волос – как у той, что была для тебя идеальной. Но идеальной для меня была только Ира Самойлова. Я знал красивей, безгрешней и добрей её – таких, какими бывают лишь ангелы. Проблема в том, что все они были лучше неё. Я видел

и таких отъявленных сук, и стерв, которым в аду впору ставить прогулы. Беда только в том, что все они были хуже неё. Проще говоря, все женщины были либо лучше, либо хуже неё, но такой, как она, не было. Только её я боялся потерять до смертной тоски, до боли, до головокружения. Но даже от неё я отказался сам. Отсюда вопрос: а любил ли я её по—настоящему? Встречный вопрос: а можно ли по-настоящему любить ту, кого ты не знал по—настоящему? На мой взгляд, вечная проблема полов – в разной эмоциональности восприятия. Женщина смотрит на мужчину как на закрытый сейф (надо вскрыть), либо как на лук (надо ныть), но чаще как на китайскую шкатулку. Женщины вечно ищут нюансы и второе дно, потому что их интересуют тонкости. Мой личный хит-парад таких вот женских причуд возглавляет вопрос, однажды заданный мне Терентьевой: «Андрей, а как ты думаешь, как Фёдор относится к Элке, если при виде Элки он плюется и переходит на другую сторону улицы?».

Девушки, у мужчин есть только одна тайна. Именно эту тайну и не открыл проклятым буржуинкам Мальчиш-Кибальчиш. Это очень простая тайна: что у мужчины на уме, то и на языке. Как говорит, так и думает. И если мужчине действительно нужна его женщина, то он поедет за ней за тридевять земель, хоть на край света. И возьмёт он эту женщину не словами, не мечтами о ней, а конкретным поступком. Что касается этой забавной дурочки-Феи, то салфетку с её телефонным номером я вполне мог бы оставить прямо там, в кафе «Четыре времени года». Но я никогда так не сделаю. И причина не в том, что мне очень жаль эту Надю. Просто я часто бываю там, потому что там хорошая кухня. Ну и зачем, мне, спрашивается, швыряться салфетками, хамить и нарываться на коллективную женскую месть обслуживающего персонала? Правильно, незачем. Докурив, швыряю бычок в урну, надеваю шлем, жму на газ. Мне пора в «Альфу».

10:55. Пристраиваюсь на парковке у «Альфы». Наша стоянка – это со всех сторон хорошо просматриваемое асфальтовое полотно площадью в шестьдесят квадратов. Пристроив «большого гуся» на своём личном месте, киваю нашему администратору, Коле Лобову. Коле тридцать пять лет и на мой взгляд, он похож на утёс, скрещенный с терминатором.

Здесь надо сделать небольшое отступление. Дело в том, что до «Альфы» Коля Лобов работал в оперативном составе у наших конкурентов, но был, что называется, списан в запас. В моей группе (то есть у меня) места ему не нашлось (ага, моя работа), и Колю пока пристроили охранять подступы к «Альфе». Сам

о себе Коля говорит так: «Если бы я участвовал в кастинге на роль Кхала Дрого в „Игре престолов“, то я бы уделал самого Джеймса Момоа». Не знаю, как насчёт Царя варваров, но лично мне темноглазый и смуглый Коля очень напоминает орка из «Властелина колец», который успел побывать в руках стилистов «Модного приговора». То есть вид ещё довольно жуткий, но рассматривать детали уже чрезвычайно увлекательно. Однажды в порыве вдохновения я удачно совместил начало имени и фамилии Коли Лобова и дал ему прозвище «колобок». После чего несколько раз с удовольствием ловил рафинированного Фадеева на том, что он, упоминая Колю в разговоре, изо всех сил старается не съехать на Колино прозвище. Но самым интересным для меня в Колобке является то, что этот «орк» на стрельбище всегда вышибает «десятку». Это из Колиных плюсов. Теперь о Колиных минусах. Во-первых, Колобок из той породы людей, кто заслан отравить мои дни своими девственно-чистыми мозгами. Во-вторых, Колобок страдает несчастной страстью к блондинкам и татуировкам, и постоянно доканывает меня беседами на эти две темы. Вот и сейчас при виде меня Коля спешит ко мне.

– Привет, Сергеич, – скалится Колобок. – Как оно всё? Нормально?

– Привет, скала с бейджиком. От нас никто не выходил? – У меня-то, собственно, к Колобку только один вопрос: свалил ли Кейд от Фадеева?

– Смешно, – Колобок морщит узкий выпуклый лоб, пытаясь понять, похвалил ли я его или обидел. Гляжу на это чудовище. Какое же счастье, думаю, что ты не в моём отделе. А будь моя воля, то я бы и стоянку тебе не доверил.

– Коля, – повторяю я, – заказчик где? Всё ещё в агентстве?

– Ах, заказчик… заказчик… А, заказчик уже уехал! Машины же нет на стоянке? Сергеич, а я себе новую татуху сделал…

«Господибожемой, нет. Прошу тебя, нет! Нет, только не это!»

– Во какая, смотри. – Я не успеваю ничего предпринять, как Коля сует мне под нос свою волосатую ручищу. Смуглое запястье толщиной в плотно пообедавшего удава украшена корявой молнией (привет Гарри Поттеру), веткой сакуры (похожа на неопрятную верблюжью колючку) и парой японских иероглифов.

– Что пишут? – киваю я в сторону японской вязи. Коля тушуется:

– Да фиг его знает. Но татушница говорит, что это – на счастье.

– Да—а? – тяну я скептически, хотя в каком-то смысле татушница-пэтэушница очень даже права. Ибо на руке у этого светоча мертворождённой мысли наколото лаконичное японское напутствие в один конец. На русский оно, правда, переводится более прозаично…

– Сергеич, а хочешь, я тебе по блату телефон мастерицы по тату дам? Правда, она еще в ПТУ учится. – «О, да я прямо Нострадамус!». – Она правда хорошо татухи делает. Она вообще всё хорошо делает. – Коля красноречиво двигает бровями и важно поправляет ремень портупеи. Рассеянно киваю, не заметив на парковке ни одного чужого автомобиля. Значит, Кейд всё—таки уехал (не на такси же он сюда приезжал с этим его автопарком?). Делаю шаг к двери в «Альфу».

– Сергеич, так что с тату-то? – окликает меня Колобок.

– С тату? – Я поворачиваюсь. – Ах да, тату из ПТУ… Слушай, Коля, а ты когда-нибудь «бентли» с наклейками видел?

– Нет, – Колобок таращится на меня, – а что?

– А «жигули»?

– А «жигуль» с наклейками видел. А в чём подвох-то? – Глаза у Колобка жадно горят от предвкушения шутки, которую можно рассказывать.

– Ну, так вот, Коля. Ты – «жигули». А я – «бентли» … Давай, жги, Колобок. – Поворачиваюсь спиной к ошалевшему Коле и открываю дверь в «Альфу».

Игнорируя лифт (представьте себе аристократичный шедевр начала двадцатого века, сияющий медью и хрустальными стёклами зеркал), устремляюсь вверх по ступеням широкой мраморной лестницы. У лестницы длинные пролёты и настоящие дубовые перила. И лифт, и лестница сохранились с тех самых времен, когда «понаехавшие» ещё не сушили свои трусы на балконах,

а дебилоидные Букины из телевизора не жили со мной по соседству… Да, вот такой я коренной москвич, которого все ненавидят. А я, в свою очередь, ненавижу говнюков, гадящих в городе, где я родился.

Офис Фадеева на третьем этаже. Я почти миновал второй пролёт, когда наверху хлопнула дверь, и низкий голос Фадеева громко сказал: «Всего вам хорошего, господин Кейд». А тот в ответ ответил: «Спасибо, Александр Иванович, до встречи».

«Ну, Колобок…» Выдаю про себя то самое короткое послание, которое наколото на его руке. Коля Лобов, лентяй, упырь и тупица, безыдейная зараза, прекрасно знал, почему я не хотел пересекаться с заказчиком. Фадеев всегда запрещал все контакты между клиентами агентства и оперативным составом. И дело не в том, что кто—то из «оперов» получал шанс выйти на контракт напрямую. Беда была в том, что заказчик мог узнать «сыскаря» и подставить его – умышленно или по глупости.

«Хоть бы Кейд лифт вызвал…» Но я слышу быстрые, лёгкие шаги: мужчина явно в хорошей форме и стремительно сбегает по ступеням вниз. Поняв, что встречи с Кейдом мне избежать не придётся, жалею, что оставил болтаться свой шлем у седла мотоцикла. Пришлось действовать подручными средствами. Накидал волосы на лицо. Прищурился, как слепой крот. Вытащил криптофон и сделал вид, что читаю важнейшие эсэмэски в своей жизни. Встал спиной к ступеням. Недовольно покосился на звук шагов, как человек, которому помешали. Встречаюсь взглядом с Кейдом. Мда… Ну что мне сказать вам про Магадан? Знаете, есть такая редкая, эталонная порода мужчин, которые появляются на свет с безупречной внешностью, в сиянии собственной непогрешимости и вызывают у женщин только одно чувство – непереносимое томление? Вот это и есть Даниэль Кейд – человек, «заказавший» Самойлову.

«Все, Красная Шапочка, тебе конец, если Кейд до тебя доберётся.» И мне тоже конец, потому что меня охватывает нереальная ревность. Не подозревая о том, какие недобрые мысли крутятся в моей бедовой голове, Кейд одаривает меня насмешливым взглядом. В ответ я улыбаюсь ему, и Кейд буквально подпрыгивает. «Что, получил? Да, я и сам бог!». Жду, когда Кейд придёт в себя и продолжит спускаться по лестнице вниз. Прикидываю расстояние от него до парковки, делю километраж на скорость его шагов, отсчитываю положенное время и набиваю в телефоне:

«Аллё, Лобов, а это кто, по-твоему, выходит сейчас из агентства? Олень ты, а не Колобок!».

Я фыркнул, представив себе выражение лица Лобова, до которого моё сообщение дойдет одновременно с клиентом. Убрав в карман телефон, поднимаюсь на ещё один лестничный пролёт. Закрыл глаза, сделал короткий вздох—выдох. Надел на лицо маску насмешливой невозмутимости. Стучу в двери офиса и, не дождавшись знакомого «да—да, войдите», сам распахнул двери.

11:01. Вот я и в кабинете Фадеева. До боли знакомый офис с еле уловимым ароматом лимона и карельской березы. Из—за жалюзей, неплотно прилегающих к подоконнику, в кабинете бегает солнце. Напротив широкого стола Фадеева неизменный монитор с очередной умной цитатой. Что там сегодня? Картинка чёрного самума, убивающего разноцветный мираж, и надпись жёлтым: «Самая страшная сказка – это сказка о песочных часах, потому что время никого не щадит. Надея Ясминска». Ага, значит, сегодня гроссмейстерский интеллект Дядьсаши навестили тени из прошлого. Смотрю на него: всегда чутко реагирующий на любой мало—мальски различимый звук или движение, Фадеев меня не замечает.

Стою, пользуясь передышкой, и внимательно рассматриваю его. Бледно—голубая рубашка с оксфордским воротником, тёмно-синий кардиган, тёмно-синие слаксы. Чёрные замшевые мокасины «Canali», часы на чёрном браслете, ненавязчивый запах «Lacoste». По моей шкале, восемь из десяти («Canali» надо носить дома). Вообще, Фадеев насчёт шмоток особо не заморачивается, но всегда ухитряется выглядеть как—то правильно, и это мне нравится. Дядьсаша сидит за столом, полностью уйдя в кресло и в свои мысли. Локти на столе, сухие ладони сжаты в замок, в который он упёрся острым, гладко выбритым подбородком. Изредка касается кончика носа большими пальцами. Умные, острые светло—зелёные глаза прикрыты синеватыми веками. Между бровей залегла знакомая мне вертикальная морщина. Она – как трещина на его моложавом лице. «Что-то гложет Дядьсашу. А что – это мы сейчас выясним.»

– Тук-тук. Доброе утро. Дома есть кто? – говорю я. Дядьсаша выходит из ступора и моментально вскидывает на меня лучистые глаза. Мускулы его лица

расслабляются. Ещё бы: перед ним – его лучший ученик, доверенное лицо, заместитель и крестник. Его мальчик. Впрочем, для Дядьсаши я вполне сошёл бы и за небесного ангела, если б не одно «но»: мои глаза. В них год назад поселилась лютая ненависть зверя. Я не смог пережить эту ненависть, и она убила меня. А потом в пепел сожгла мою душу…

– Хорошо, что приехал, Андрей. Хвалю за оперативность. А теперь перестань резвиться и иди сюда, – Фадеев указывает глазами на стул напротив своего стола. Киваю и иду к стулу: «Господи, прошу тебя, дай мне сил не сорваться…». В итоге, плюхнулся на стул и приготовился внимать разумному, доброму, вечному.

– Заказчика уже видел? – В глазах у Фадеева вопрос и интерес.

– Видел, – киваю я, – но недолго. И только со спины.

– А – почему встретились? – У Фадеева нюх, как у собаки. Невозмутимо пожимаю плечами:

– А я не рассчитал времени и приехал чуть раньше. Приношу свои извинения.

Да, я не хочу сливать Колобка. А чего его подставлять, если я с ним уже разобрался? Фадеев с усмешкой смотрит на меня.

– Колобок… фу ты, вот привязалось—то, – Дядьсаша кривится и бросает на меня едкий взгляд, – то есть Коле Лобову там не сильно досталось? Жить будет?

Вот такой у нас шеф: сэнсэй, интеллектуал и постоянно настороже. На мой взгляд, Фадеев вообще очень похож на хищника, что всегда с добычей в зубах. Но хищник, что живет в нём, ничто по сравнению с зверем, который год назад поселился во мне.

В воздухе повисает едва ощутимое напряжение…

– Что? – вскидывает светлые брови Дядьсаша.

– Да ничего, так. Плечо немного ноет. Наверное, перед дождём.

– Ладно, не напрягайся, – вздыхает Фадеев. – Заменю я Колоб… фу, да что ж такое-то? – Фадеев снова досадливо морщится. – В общем, заменю я Колю, заменю… Просто сейчас в стране кризис и мне жаль выкидывать парня на улицу. А ты расскажи-ка мне лучше, что ты сумел выяснить про Маркетолога. – Сейчас Александр Иванович смотрит на меня, но не в глаза, а в линию моей переносицы. Я знаю, как этот приём называется и как именно он работает. Но я знаю и противоядие. Перевожу взгляд влево. Глядя то в окно, то на Фадеева, рассказываю ему всю правду о том, как нашёл Маркетолога в социальных сетях – и утаиваю всё о Красной Шапочке. Это – только моё, и в душу я к себе никого не пущу. Мне и Симбада хватает. Чтобы отвлечься, углубляюсь в подробности слежки за Ирой:

– Значит так: «объект» хорошо водит машину. Не знаю, кто её этому обучал, но классическая подстава на дороге полностью исключена. Кстати, ваш Маркетолог живёт недалеко от моего дома. И я уверен, у неё постоянный сожитель есть.

– Да? Ну и кто это? – В голосе Фадеева обывательское любопытство старика, но… почему я ему не верю?

– Маркетолог тесно общается с Зайк… в смысле, с вице-президентом «НОРДСТРЭМ». Его зовут Дмитрий Кузнецов. Это… – и тут я вываливаю подробнейшее досье на Кузнецова, причем упоминаю даже про его поход в Краснопресненский суд вместе с адвокатессой. У Фадеева леденеет взгляд.

– Ну, теперь всё понятно, – тянет он. – Что ж, это многое объясняет…

Я тут же делаю стойку:

– Что именно объясняет?

– Многое… Да не важно, забудь… а кстати, с чего ты решил, что они до сих пор вместе?

– А «объект» зовёт Кузнецова «Митей». Этот самый Митя к Маркетологу утром приезжал. Она его ещё на порог не пустила. А теперь – мой сюрприз!

– Что, уже? – пугается Дядьсаша.

«Стоп, не понял. Это он о чём?». И тут до меня доходит…

– Да нет, Дядьсаша, я с ней ещё не спал, – я смеюсь. – Мне вообще блондинки не нравятся. Штука в другом: ваш «объект» – это некая Ира Самойлова. В далёкие времена носила девичью фамилию матери и была внучкой милейшей Марины Витальевны, к которой вы много лет назад отправили меня на английский.

Дядьсаша глядит на меня, а я вдруг понимаю: ещё до того, как я начал рассказывать ему про Иру, он уже знал всё. Знал, чьё имя я назову, как знал про неё и про Митю… И тут мне становится совсем интересно, потому что я жо… в смысле, сердцем чую: Дядьсаша скрывает от меня нужную мне информацию.

– Андрей, а как ты нашёл адрес Иры? – спрашивает он.

– А по своим каналам.

Но Фадееву этого явно недостаточно. В своей зубодробительной манере (глаза зелёными иглами колют меня) Дядьсаша ищет ответ в моём взгляде. «Да пошёл ты…», – и я снова отвожу глаза в сторону.

– Ишь ты, как насобачился… ладно, – в конце концов сдаётся он. – А может, всё же расскажешь?

– Извините, не могу: мои источники – мои правила.

А что, надо Дядьсаше про Интерпол рассказывать? Ещё чего. Достаточно и того, что Интерпол знает про то, что я здесь работаю.

– Ну, Андрей, – Фадеев качает головой, – вот смотрю на тебя и прямо диву даюсь, как ловко ты раскапываешь информацию…

«Ага, я такой».

– … и как хорошо ты умеешь держать язык за зубами.

«Да, и такой я тоже».

– …и про Иру.

– Не понял: что «про Иру»? – увлёкшись примеркой лавров, я не расслышал его.

– Я говорю, мне жаль, что ты ничего не знаешь про Иру.

– Александр Иванович, я что-то не понял. Что такое я должен знать про вашу Иру? – Я поднимаю бровь: разговоры про Иру меня в принципе не интересуют. – Да, мы были знакомы с Самойловой тысячу лет назад и аж одно лето. Потом мы еще дважды или трижды пересекались с ней. Хорошая, умная девочка, которая, я надеюсь, выросла в красивую и умную женщину. Но на этом и остановимся.

– Понятно, ты поставил на Ире крест. А знаешь, Андрей, о чём я размышлял перед твоим приходом?

Я откинулся на спинку стула и положил ногу на ногу:

– Нет. Даже не представляю.

– А думал я о том, что я был плохим крёстным отцом тебе и Ире. Видит Бог, как я хотел, чтобы вы подружились. Но твой отец запретил мне давить на тебя, а я его послушал. А теперь ты и Ира – абсолютно чужие друг другу. И я тоже хорош, старый дурак, – Фадеев сокрушённо вздыхает, – вместо того, чтобы самому всё про Маркетолога выяснять, навесил на тебя это.

– Минуточку, Александр Иванович, – цепляю глазами его взгляд. – Ну, выяснил я всё про Самойлову – и выяснил. И вообще, ну что в этом такого? Самойлова же не узнает об этом? Кто ей расскажет? Вы? – Я смеюсь. – Или я? Или этот её, Митя?.. А что я за её машиной гонялся – так я, можно сказать, получил удовольствие. Правда, хотел бы я увидеть того, кто научил Самойлову так водить машину.

– А я, кстати, могу ответить тебе на этот вопрос, – Фадеев даже развеселился. Я рассеянно киваю. Про себя я думаю, что если я сейчас снова услышу «Митя», то я точно найду этого Зайку и вырву ему руки, которыми он научил эту безумную

крутить руль на скорости в сто тридцать километров… Вру: никого я не найду, потому что искать не буду… – Ну и кто этот учитель? – спрашиваю я, чтобы хоть что—то сказать.

Я широко раскрыл глаза, услышав гордое «я!», сказанное Фадеевым.

– Супер, нет слов, – я даже разозлился. – А вы видели, что Красн… то есть ваша Самойлова вытворяет на трассе? Хорошо ещё, что у неё не гоночный спорткар, а «туарег», и.. – и я осёкся. – И эту машину Самойловой тоже купили вы, да? – Кажется, я мрачнею.

– Да, и эту машину тоже купил я. «Туарег» – это компенсация Ире за её работу. Ирочка категорически отказывалась брать у меня деньги, и я решил проблему вот так… а почему ты, Андрей, зовешь Иру по фамилии?

– А, детские привычки, – отмахиваюсь я, и тут в мою голову приходит еще одна мысль: – А можно личный вопрос, Дядьсаша? – Тот кивает. – А что, простите, такого особенного сделала для вас ваша Ира, что вы ей машиной удружили?.. Хотя, стоп. Я, кажется, и сам знаю… Она же Маркетолог… маркетинг – это развитие бизнеса… Она что, бизнес «Альфы» для вас развивает? – окончательно «прозреваю» я.

– «Она бизнес „Альфы“ развивает», – передразнивает меня Дядьсаша. – Андрей, да она, можно сказать, этот бизнес со мной и создавала. Придумала и бренд, и логотип, и товарный знак. И сайт для нас сделала. Потом соединила наш сайт с платёжной системой и внутренним порталом, вместе с Митей перевела наши расчёты на бету-версию кода «НОРДСТРЭМ» и вот уже лет как десять подкидывает мне то идеи для бизнеса, а то и клиентов подбрасывает.

«Охренеть… а я-то думал, и кто на нас убивается?»

Раздражённо убираю волосы с лица, ввинчиваюсь в стул, кладу локти на стол Дядьсаши.

– Здорово-то как, – с нескрываемым отвращением говорю я. – А почему я, ваш заместитель, об этом ничего не знаю?

– Ну, видимо, потому что ты этим никогда не интересовался, – смеётся он. – К тому же Ира сюда приезжает, только когда в офисе никого нет: не хочет ни с кем встречаться.

– Понятно… А Кейд к нам в «Альфу» как попал? На её сайт «клюнул»? – Пауза. Фадеев в ахтунге, и это меня радует. Впрочем, сейчас я ему ещё добавлю, до кучи: – Если это так, Александр Иванович, то вам с Самойловой удался потрясающий трюк: «объект» создала для вас сайт, через который вам её и «заказали». Поздравляю: верх маркетинговой мысли. – Смотрю на Дядьсашу. И мне сейчас хочется не столько поржать над ним, сколько убить его. Какого лешего он подписал контракт с Кейдом? Дядьсаша ловит мой взгляд.

– Ну и формулировки у тебя, Андрей, – морщится он, – но, в целом, всё точно. Хотя и мерзко.

– Да—а? Ну, тогда у меня еще один вопрос: не подскажите, Александр Иванович, а когда именно вы узнали, что Самойлова и Маркетолог – это одно и то же лицо? Полагаю, что этим утром вы ещё об этом не ведали. В ваш кабинет я вошёл сразу же после Кейда. Следуя логике, получается, что это Кейд вам сказал, кто ваша Самойлова… Так почему же вы, при всей любви к «вашей Ирочке», подписали с Кейдом контракт на слежку за ней? Дело же не в деньгах, это же очевидно. Так что такого произошло, из-за чего вы не послали Кейда в…. короче, куда подальше?

Фадеев жалобно смотрит на меня. Пожимаю плечами (раз такой умный, то сам пускай и выкручивается). Дядьсаша жует губы, мнётся, явно хочет что-то рассказать, но всё никак не решится.

– Дядя Саша, – вздыхаю я, наблюдая за его страданиями, – ну что ж вы так себя мучаете-то? Ну не хотите вы мне ничего говорить, ну и не говорите. Давайте так: я домой поеду, а вы мне потом наберёте. Просто скажите мне, что дальше делать с «объектом». – Начинаю подниматься со стула.

– Сядь, Андрей. Влип я, понимаешь? И сильно влип. Конфузия у меня с Ирой вышла.

Плюхаюсь на стул, смотрю на него. Бог мой, а Дядьсаша и правда смущён.

– Какая ещё конфузия?

Фадеев встаёт и начинает мерить шагами свой кабинет. Пять шагов туда – пять шагов обратно. Потом поворачивается.

– Ну, ладно, расскажу, – всё-таки решается он. – Строго не суди, и вообще – только между нами… В общем, в ноябре позапрошлого года, на дне рождения Иры, вышел у нас с ней один спор… Надо сказать, что Ира тогда еще занималась рекламной и развитием бизнеса на фрилансе, но уже подумывала ограничить круг заказчиков и перейти на проекты в области информационной безопасности. И вот, сидя за столом в ресторане, они с Митей затеяли бесконечный и ужасно нудный разговор о каких—то методах защиты, кодирования, вирусах, троянах[12 - Специальный термин, обозначающий вредоносную программу, которая может произвольно удалять, изменять, копировать, скрывать и красть данные на компьютере пользователя.]. Бог его знает, о чем ещё, но тоже очень уж специфическом… Мне это надоело, я взял фужер и предложил тост. Пожелал Ире поменьше увлекаться новомодной чепухой и сосредоточиться на достойных проектах. В общем, на всём том, что действительно подходит такой красивой и умной женщине. И вот тут Ира разозлилась. Закусила губы… Есть у Иры такая привычка.

– Да, есть, – тихо говорю я, вспомнив лицо Самойловой, когда я обидел её в первый раз – и тогда, в четверг, на Ламбетском мосту. – Она действительно нижнюю губу прикусывает.

– Ну да. Так вот… Покусав губы, Ира предложила мне пари. Заявила, что докажет, что я, профессиональный сыщик, никогда не найду её в социальных сетях, даже если она будет крутиться под самым моим носом. Это было настолько неожиданно и, в общем, довольно нахально, что я согласился. Мы заключили с Ирой джентельменское соглашение на один интерес, и я стал ждать результата… В жизни Иры с точки зрения нашего спора ничего не происходило. Она сменила работу, подписала контракт с какой—то английской фирмой и начала жить между Лондоном и Москвой. А я спокойно читал себе новости о Маркетологе. И при каждом удобном случае тыкал Иру носом в эти проекты: вот, мол, на кого тебе надо равняться, детка.

– А она?

– А она молчала. Даже не улыбнулась ни разу… И ничего не предвещало беды, пока сегодня утром ко мне не заявился Кейд. Вот тут—то он и сразил меня, заявив, что Ира Самойлова – это и есть Маркетолог. И что они вместе с Митей работают над кодом «НОРДСТРЭМ». Я онемел даже… Так я и понял, что моя девочка не только выиграла пари, но и, фигурально выражаясь, отвесила мне интеллектуальную оплеуху.

– Да ладно. Это как? – «порадовался» я за Иру. Фадеев прищурился:

– Ну, это ты у нас красивых и умных любишь. Вот сам и догадайся.

Ладно, играть – так играть. Отвожу взгляд. Перебираю в голове факты о Красной Шапочке. Посмотрел на часы: ай да я, всего десять секунд прошло, а у меня уже ответ готов. Поднимаю глаза на Дядьсашу.

– Пари – это игра «на вылет», – говорю я. – Но игру вам предложила Самойлова. Её игра – значит, её и правила… Самойлова хорошо относится к вам. Значит, она должна была оставить вам какую-нибудь подсказку. Это могло быть что—то, известное вам двоим: слово, намёк… Картинка исключается, потому что вы не визуал, как я. Но про то, что её буду искать я, Самойлова не знала, а вот то, каким образом вы её можете разыскать – она себе представляла. На это у неё мозгов хватает… Значит, в качестве подсказки Самойлова должна была выбрать слово. Слово – это девиз, или слоган, или никнейм. Маркетолога зовут Ирина Александрова… Александрова – это что, «фамилия» в вашу честь?

Фадеев с энтузиазмом кивает. В его взгляде – гордость учителя за ученика и отца за сына. Так когда-то смотрел на меня мой отец. Так пока ещё смотрит на меня моя мама…

– Да, ты правильно догадался, Андрей. Это никнейм в мою честь – или, лучше сказать, в честь моего бесчестия, – пошутил Фадеев. – В общем, Ира играла со мной в прятки почти год. И почти год морочила голову Кейду. Он, кстати, злой на неё, как чёрт.

– А ему—то Самойлова что сделала? Проект на реконструкцию Мэрии отжала?

– Ха. Смешно, – оценил шутку Дядьсаша. – Но, если серьезно, то господин Кейд сам напросился… Видишь ли, пока я с блеском продувал Ире своё пари, господин

Кейд долбился к ней в социальные сети, как дятел. Он, видишь ли, хотел предложить себя Ире в качестве работодателя. Но Ирочке сейчас не до Кейда. Мало того, что она с Митей вкалывает двадцать четыре часа в сутки, она ещё ведёт один серьёзный проект в Лондоне… что-то с диверсификацией бизнеса связано. Есть у Иры такая заказчица – гекая Эль Фокси Мессье. Кстати, я эту Эль видел. Она была у Иры на дне рождения – хорошенькая такая англичанка лет тридцати-пяти – сорока. Рыженькая. Очень дружит с Ирой.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Человек, одинаково свободно владеющий двумя языками.

2

Сорт кофе, второй по популярности после арабики, но менее ароматный и с большим количеством кофеина.

3

Андрей полностью воспроизвёл шутку Леонардо да Винчи, которой последний высмеял невежество церковнослужителей (примечание автора).

4

Цугцванг (от нем. «zugzwang») – дословно, принуждение к ходу. Обозначает положение в шахматной игре, при котором любой ход игрока ведет к ухудшению его позиции.

5

Эндшпиль (от нем. «endspiel») – дословно, конец игры. Обозначает заключительную часть шахматной партии.

6

Источник цитаты: Стивен Кинг «1922 год».

7

Мотошлем AGV, обладающий улучшенной аэродинамикой и созданный при участии Валентино Росси – одного из самых успешных мотогонщиков всех времён, выступавшим под номером «46». Этот номер – непременный дизайн всех шлемов, разработанных при его участии.

8

CIO – аббревиатура, образованная от английского «Chief Information Officer». Обозначает менеджера высшего звена, отвечающего за ИТ и автоматизацию.

9

Пиццикато (от итал. «pizzicato»). Обозначает приём игры на смычковых струнных музыкальных инструментах, когда звук извлекается не смычком, а щипком струны, отчего звук становится отрывистым и более тихим. Прекращение такой игры называют арко («arco»).

10

Роман «Над пропастью во ржи» Джерома Сэлинджера (в оригинальном переводе название романа – «Ловец на хлебном поле»).

11

Имеется в виду фильм-ремейк «Вспомнить всё» 2012 года.

12

Специальный термин, обозначающий вредоносную программу, которая может произвольно удалять, изменять, копировать, скрывать и красть данные на компьютере пользователя.

Купить: https://tellnovel.com/ru/koval-kova_yuliya/zhivoy-zhurnal

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить